

БАРОН
А. И. ДЕЛЬВИГ

*Мои
воспоминания*

Том 1

Андрей Иванович Дельви́г

Мои воспоминания.

Том 1. 1813-1842 гг.

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64838372

Мои воспоминания. Том 1. 1813-1842 гг.: Нестор-История; СПб.; 2018

ISBN 978-5-44691-382-4

Аннотация

В настоящем издании впервые полностью публикуются воспоминания барона Андрея Ивановича Дельвига (1813–1887), инженер-генерала, технического руководителя и организатора строительства многих крупных инженерных сооружений на территории Российской империи. Его воспоминания – это обстоятельный и непредвзятый рассказ о жизни русского общества, в основном столичного и провинциального служилого дворянства, в 1810–1870-х годах. Отечественная война, Заграничный поход, декабрьское восстание 1825 года вошли в жизнь А. И. Дельвига лишь отголосками, но участники этих событий жили и действовали рядом с автором воспоминаний. Юность А. И. Дельвига пришлась на пушкинскую пору, время расцвета русской поэзии; благодаря родственным связям с поэтом Антоном Дельвигом будущий инженер-путеец встречался с А. С. Пушкиным, Е. А. Баратынским, Ф. Н. Глинкой, Н.

И. Гнедичем, И. И. Дмитриевым, Д. В. Веневитиновым, П. А. Плетневым, В. Ф. Одоевским, братьями Бестужевыми и Раевскими, А. Ф. Воейковым. А. И. Дельвиг – представитель плеяды блестящих русских инженеров. Благодаря в том числе и его энергии, уму и таланту развивалась одна из самых важных и нужных государству отраслей – строительство шоссейных и железных дорог, мостов и водоканалов. Первый из четырех томов воспоминаний А. И. Дельвига охватывает период 1813–1842 годов. Книга предназначена для историков-профессионалов, студентов, любителей российской истории.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вклад А. И. Дельвига в развитие водоснабжения Москвы	7
От составителя (2018)	11
Предисловие от хранителя рукописи (1912)	43
Глава I	46
Конец ознакомительного фрагмента.	135
Комментарии	

Андрей Иванович Дельви́г
Мои воспоминания.
Том 1. 1813–1842 гг

Бугоревъ Александръ Ивановичъ

Вклад А. И. Дельвига в развитие водоснабжения Москвы

Барон Андрей Иванович Дельвиг – один из отцов московского водопровода, ярчайший представитель отечественной инженерной школы.

Его мемуары представляют необычайный интерес для нас, инженеров-водопроводчиков XXI века. Во-первых, поражает масштаб этой личности. За что бы он ни брался – будь то перестройка Мытищинского водопровода или строительство храма Христа Спасителя, возведение корпусов Тульского оружейного завода, Нижегородской ярмарки, прокладка железных дорог, – каждый раз он проявлял себя блестящим организатором, грамотным инженером, человеком большого ума и обаяния. Во-вторых, читая «Мои воспоминания», мы видим, какой огромный вклад Андрей Иванович Дельвиг внес в развитие водопроводного дела в Москве и в России в XIX веке.

После учебы в Военно-строительном училище и Институте путей сообщения он поступил на службу инженером Мытищинского водопровода в то время, когда кирпичные галереи полувековой давности постоянно приходилось «латать»: тысячи ведер воды просто не доходили до Москвы. В ремонте нуждались ключевые бассейны у села Большие Мытищи.

Начиная свою деятельность инженера с восстановления разрушенного хозяйства, Дельви́г, шаг за шагом, привносил в водопроводное дело новшества, которые вызывали уважение не только у жителей той прошлой Москвы, – опыт его работы заслуживает внимания специалистов водной отрасли и в наши дни.

Это сегодня трубопроводы в водоснабжении исследуют с помощью роботов методом теледиагностики. А 160 лет назад Дельви́г применил свой оригинальный метод обнаружения протечек. На старом кирпичном Мытищинском водопроводе через каждые сто саженей он устраивал отдушины на трубопроводе, запускал поплавки и наблюдал, за какое время те проходили тот или иной участок. После в дело шли математические расчеты, основанные на диаметре трубопроводов, скорости и времени движения воды.

Или – при включении вновь проложенного Кремлевского водопровода по чугунным трубам не шла вода. Дельви́г установил в верхней точке на трубопроводе вантуз для выпуска воздуха. С тех пор этот способ удаления воздуха из трубопроводов успешно применяется всеми водопроводчиками. Он также нашел причину замерзания воды в Замоскворецком водопроводе: дело в том, что вода из Москвы-реки изначально имела низкую температуру и особый химический состав, способствующий ее раннему замерзанию. Взамен москворецкой он подключил к этому водопроводу ключевую воду из Мытищ, которая имела другую температуру и

химический состав и не замерзала так быстро.

Устройство А. И. Дельвигом водоснабжения в 1841 году в Императорском Московском воспитательном доме, где жили сироты и беспризорники, и вовсе воспринималось москвичами как чудо. Здесь был проложен «двойной водопровод»: речной, который при помощи насоса забирал воду от набережной Москвы-реки, и внутридомовый, обеспечивающий мытищинской водой всех жителей Воспитательного дома из Варварского фонтана. На чердаке на высоте 28 метров были установлены резервуары, вода приводилась в движение насосами, паровыми машинами, по всей усадьбе было проложено 2,5 км труб. Строительство этого и других водопроводов требовало колоссальных затрат – за всё платили серебром.

В 1852 году Дельвиг был назначен директором Московских водопроводов. На его плечи выпала полная реконструкция Мытищинского водопровода. Как инженер-гидравлик он изменил высотные отметки горизонта воды в старых ключевых бассейнах, и это повысило скорость движения воды и производительность водопровода в целом. Он отказался от каменных акведуков – на смену им прокладывались чугунные трубы, строились водоподъемные станции с резервуарами, устанавливались паровые машины. Примечательно, что Дельвиг никому не доверил покупку насосного оборудования для новых водоподъемных зданий. Сам ездил в Европу на заводы и выбирал оборудование. В результате осенью

1858 года Москва получила мытищинской воды в 2,5 раза больше.

Неоценима роль наследия А. И. Дельвига. Его многолетний труд «Руководство к устройству водопроводов» с изложением теоретической разработки основ гидравлики, исследований законов движения жидкости по трубам, анализом потерь напора в свое время был отмечен Демидовской премией Академии наук.

Сенатор, инженер-генерал-лейтенант, общественный деятель, барон Дельвиг был личностью, безусловно, неординарной. В своих мемуарах он описал много интересных событий и явлений русской жизни XIX века. И все же особая грань в его масштабной и разносторонней деятельности – это водопроводное дело, которому он отдал почти 25 лет своей полувековой службы. И как отдал! Самозабвенно, с воодушевлением, талантом, отеческой заботой о Москве и ее жителях.

А. М. Пономаренко,

генеральный директор АО «Мосводоканал»

От составителя (2018)

*Вот видите, господа. Ручей высохнет, и воды не станет. Чтоб уйти от этой беды, надо создавать для Москвы скопы воды и строить водопровод^[1].
Андрей Иванович Дельвиг*

Книга мемуаров «Мои воспоминания» нашего двоюродного прапрадеда инженер-генерал-лейтенанта и сенатора (от Межевого департамента) барона Андрея Ивановича Дельвига (двоюродного брата поэта Антона Дельвига) (1813–1887) написана одним из крупнейших российских инженеров, много сделавшим для развития и улучшения сети отечественных железных дорог. Барон А. И. Дельвиг занимал с 1861 по 1871 г. ряд высших постов сначала в Главном управлении путей сообщения и публичных зданий, а потом, с 1865 г., в Российском Министерстве путей сообщения. С 1871 г. член Государственного Совета.

Вклад А. И. Дельвига в организацию железных дорог в России трудно переоценить. В 1868 г. в чине генерал-лейтенанта он был зачислен в Комитет железных дорог, совещательное учреждение для обсуждения проектов строительства частных железных дорог, и в качестве главного инспектора этого комитета осуществлял надзор над деятельностью правлений частных железных дорог и соблюдением ими го-

сударственных интересов. В 1869 и 1870 гг. был председателем на организованных им съездах уполномоченных железнодорожных обществ, участвовал в последующих съездах. В 1869 г. Андрей Иванович становится членом Совета Министерства путей сообщения с обязанностью присутствовать в Правительствующем Сенате вместо министра и председательствовать в Совете министерства; с этого же года он управляющий министерством и всеми железными дорогами, казенными и частными, а также постоянный член комитета при Военном министерстве по передвижению войск железными дорогами и водой. С 1875 по 1877 г. выполняет обязанности председателя съезда машиностроителей и члена комиссии для снабжения железных дорог рельсами и подвижным составом.

За свою большую и деятельную жизнь барон Дельви́г принимал непосредственное участие в постройке 32 железных дорог общей протяженностью 11 222 версты. Ввел сохранявшееся долгое время разделение всех существующих железных дорог на группы и добился прямого сообщения в каждой группе. Именно по его инициативе были созданы технические железнодорожные училища, первые из которых – на средства, добровольно отчисленные частными железными дорогами. По словам Александра II, железные дороги в России столько обязаны Дельви́гу, что он приобрел полное право на присвоение железнодорожному училищу его имени (ныне Московский колледж железнодорожного транспорта,

открыт 13 марта 1872 года).

Барон (как его все называли) был, кроме того, одним из организаторов Русского технического общества и его первым председателем, членом Московского общества сельского хозяйства, Русского географического общества, председателем комиссии для рассмотрения проектов подвижного помещения для больных и раненых и почетным членом совета Комиссаровской технической школы в Москве. Являясь выдающимся инженером, А. И. Дельвиг также принимал участие в техническом руководстве и организации строительства многих крупнейших инженерных сооружений Российской империи: водопроводов в Москве, Нижнем Новгороде и Новочеркасске (а также в составлении проектов водопроводов в Казани и Симбирске), консультировал по вопросам строительства водопровода в С.-Петербурге, участвовал в проведении мытищинской воды в Кремлевский дворец и устройении отопления Успенского собора, в установлении нового резервуара в Сухаревой башне, обеспечил сохранение от разрушения Красных ворот в Москве, участвовал в работах по построению нескольких шоссейных дорог (Москва – Брест-Литовский, Московское шоссе от границ Владимирской губернии до Макарьевской ярмарки и под Нижним Новгородом, Нижегородское шоссе в пределах Нижегородской губернии, шоссе от Поморья до Едрова и из Малоярославца до Бобруйска, С.-Петербургско-Московского шоссе). Он был председателем архитектурного совета

по построению в Москве храма во имя Христа Спасителя, членом комитета по надзору за устройством фабрик и заводов в Москве, организатором мастерских, послуживших основой для создания современного экскаваторного завода в Коврове. В 1844 году А. И. Дельви́г возглавил Нижегородскую губернскую строительную комиссию, так что именно под его руководством перестраивались ярмарочные здания в Нижнем Новгороде, возводились постройки комплекса женского Мариинского института близ старой Сенной площади (современная территория Политехнического университета), производился ремонт кремля (дворца военного губернатора), велось строительство Красных военных казарм на Нижневолжской набережной и мощение центральных улиц и площадей Нижнего Новгорода булыжником.

Барон Дельви́г участвовал в работах по соединению рек Москвы и Волги, устройству набережных и по улучшению судоходства на реке Москве, он – автор проекта постоянного моста через реку Днепр в Киеве, занимался работами по устройству постоянной переправы через реку Кубань у Варениковской пристани, проектировал мост через реку Упу в Туле, со стоял членом комиссии по сооружению постоянного моста через реку Неву, участвовал в строительстве моста через реку Клязьму близ Коврова, станции Ковров-1 и центральных железнодорожных мастерских при станции. Он даже составил правила об изготовлении кирпича и о наблюдении за его производством *для всей империи*, которые были

Высочайше утверждены!

Заслуги А. И. Дельвига были высоко оценены в дореволюционной России. За свою долгую службу он был награжден: в 1838 г. орденом Св. Анны 3-й степени, в 1842-м – орденом Св. Владимира 4-й степени, в 1848-м – Св. Анны 4-й степени, в 1848-м – знаком отличия беспорочной службы за 15 лет, в 1849-м – орденом Св. Анны 2-й степени, в 1861-м – Св. Станислава 1-й степени, в 1865-м – Св. Анны 1-й степени с императорской короной к бывшей уже Анненской ленте, в 1867-м – Св. Владимира 2-й степени, в 1870-м – орденом Белого орла, *по указанию государя*; в 1871-м – орденом Александра Невского, в 1880-м – алмазными знаками к ордену Александра Невского. В наши дни именем «Инженер Андрей Дельвиг» назван электропоезд Горьковской железной дороги, пущенный в эксплуатацию в 2009 г. Портрет А. Дельвига кисти И. Е. Репина находится в собрании Третьяковской галереи.

* * *

Время работы над «Моими воспоминаниями» – зима 1871/72–1878 гг. Мемуары А. И. Дельвига были начаты им с тем, чтобы по достижении старости перечитывать вместе с женой «некоторые из описанных в них эпизодов». Но, пишет он в завершение последней, XII главы, «лишившись моего друга в 1878 году, я потерял охоту их писать». После уволь-

нения из Министерства путей сообщения в 1871 г. оказавшегося не у дел А. И. Дельвига как опытного практика и руководителя наперебой приглашают участвовать в масштабных начинаниях, таких как устройство Морского канала и порта, строительство новых ветвей железной дороги по проекту инженера Н. И. Путилова, организация работы путиловских заводов в качестве члена совета общества этих заводов, усовершенствование водопровода в Москве и других городах и проч. Долгие годы близкий к властным структурам, хорошо знакомый со многими их представителями и привыкший отдавать себе отчет в том, каковы истинные мотивы действий того или иного руководителя, предпринимателя, промышленника или банкира, Дельвиг начинает писать воспоминания, в которых ведет подробный рассказ о событиях прошедших лет, а также о пережитых им мыслях и чувствах. Он с удивительной и не так уж часто встречающейся прямоотой и честностью рассказывает о литературном окружении известного русского поэта Антона Дельвига, а также о многих выдающихся людях своего времени, к которым относятся, например, литераторы А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Е. А. Баратынский, П. Я. Чаадаев, М. Ю. Лермонтов (и его дуэлянт Н. С. Мартынов), П. А. Плетнев, Н. А. Некрасов, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, И. С. Аксаков, П. И. Мельников-Печерский; декабристы И. Д. Якушкин и С. И. Муравьев-Апостол, анархист М. А. Бакунин, фабриканты/купцы Н. И. Путилов, Т. С. Морозов, С. И. Мамон-

тов и А. Крупп; лейб-медик С. П. Боткин, московский генерал-губернатор А. А. Закревский, основоположник раннего славянофильства А. С. Хомяков, русский географ и путешественник П. А. Чихачёв, министр юстиции граф К. И. Пален, председатель Комитета железных дорог граф С. Г. Строганов; военный министр Д. А. Милютин, министр народного просвещения граф Д. А. Толстой, фельдмаршал и наместник в Царстве Польском граф Ф. Ф. Берг, статс-секретарь и член Государственного Совета князь С. А. Долгорукий, шеф жандармов граф П. А. Шувалов, министр внутренних дел А. Е. Тимашев и, наконец, сам император Александр II. Как на прошлом, так и на настоящем останавливает свой внимательный, независимый, порой насмешливый взгляд автор «Моих воспоминаний». Так, в 1873 г. в «Петербургских ведомостях» был опубликован высочайший рескрипт на имя министра народного просвещения графа Д. А. Толстого и тут же подвергся резкой критике А. И. Дельвига. «По редакции рескрипта можно подумать, что он писан учеником низших классов среднего учебного заведения... Государь в такой степени печется о народных школах, что призывает свое верное дворянство... стать на стражу (!) народной школы... Но неужели Государю неизвестно, что народных школ почти нет в России?.. И где те несчастные школы, которые, не будучи под бдительным наблюдением дворянства... уже обнаружили попытки к нравственному растлению народа?.. И к чему столь гласно заявлять о своем сомнении в преданно-

сти других сословий?.. Подобные воззвания делались только или по случаю угрожавшей опасности государству, или в весьма важных делах. Я припоминаю три подобные воззвания... Но неужели народные школы, которых почти не существует, уже представляют такую опасность, как нашествие 1812 года или заговоры, открытые в 1825 году?.. Рескрипт, данный Толстому, я не могу себе объяснить иначе, как желанием шефа жандармов и вместе шефа ретроградной партии графа Петра Андреевича Шувалова заставить Государя, уничтожившего крепостное право, учредившего новые улучшенные суды, давшего некоторую свободу печати и вообще поднявшего дух народа от тяготевшего над ним душевного и телесного рабства, сделать новый шаг на пути к реакции».

Постоянное с 1875 г. ухудшение здоровья жены Эмилии Николаевны и сестры Александры, двух самых близких ему людей, заставляет Андрея Ивановича надолго, иногда на 10 месяцев, откладывать перо. В конце декабря 1877 г. смерть настигает сестру, а в начале января 1878 г. – жену Дельвига. После рассказа об этих горестных потерях он доводит повествование до возвращения семьи из-за границы в 1876 г., на этом заканчивает свои воспоминания и лишь вносит отдельные исправления и дополнения в уже написанное. Например, в конце VII главы есть замечание: «...я не могу не гордиться проектированием и приведением в исполнение столь благодетельного для Москвы сооружения, дешевизна устройства которого несомненна, а прочность доказана су-

ществованием его до сего времени (1881 г.) без исправлений».

Вызывает удивление и восхищение, что эти мемуары писались по памяти, так как сам автор, по его свидетельству, «никогда не вел никаких записок». Несмотря на это, поражает обилие деталей, мыслей и наблюдений, которыми автор щедро делится с читателем, его беззаветная преданность делу, службе, его глубокое чувство к жене и родным. Можно с уверенностью сказать, что Андрей Иванович был уникальной по своей целостности личностью, так что его слуга (отставной рядовой Григорий) «гордился нахождением в услужении у господина, которого честность нельзя было подкупить не только деньгами, но и выгодами по службе».

Хочется отметить своеобразный, кажущийся несколько сухим, стиль автора. Тем ярче несомненные литературные перлы, как, например: «Этот Мещерский воспитывался за границею, говорил дурно по-русски с весьма заметным акцентом, что не помешало ему умереть геройской смертью в Турецкую войну 1877 года».

* * *

Несколько слов о том, что представляет собой рукопись книги Андрея Ивановича Дельвига. Это 6 одинаково оформленных, равной величины тетрадей (5 тетрадей текста и 1 тетрадь общего оглавления), хорошо прошитых. Бумага вы-

сокого качества, довольно плотная. На всех тетрадах совершенно одинаковые по цвету (насыщенно-синие) и качеству (наподобие тонкого картона) обложки. Подписаны каллиграфически – сделано на заказ. Приблизительный размер тетрадей 36 x 24 см, толщина тетради достигает 12 см. Рукопись отлично сохранилась, почерк четкий, хорошо читаемый.

Автор писал в завершение своего труда: «...Последние три зимы „Мои воспоминания“ давали мне довольно занятий: я исправлял их перед перепискою гектографическими чернилами, затем исправлял экземпляр, переписанный этими чернилами, с которого снималось пять копий, так что составилось семь экземпляров „Моих воспоминаний“, которые полагаю, для вернейшего их сохранения, раздать в разные места». Рукопись, хранящаяся сейчас в Российской государственной библиотеке, переписана (писарем) гектографическими чернилами и исправлена (автором?); чернила черные и синие, не пачкаются и не расплываются. Иногда выцветшие синие чернила подновлены черными. Исправления, как кажется, сделаны одной рукой – возможно, авторской, в то время как сама рукопись переписывалась по меньшей мере 5–6 писарями, судя по почерку. В любом случае, исправления несомненно являются выражением воли автора, они незначительно подправляют уже написанное и никем иным, по-видимому, внесены быть не могли. На обложке тетради с первым томом, справа внизу, написано чернилами: *Черновые*. Зачерк нуто (залиновано сплошь наклонными лини-

ями) карандашом, и ниже, карандашом же: *Въ Музей*. На титульном листе тетради со вторым томом стоит: *I^й экземпляръ*; на этом основании можно заключить, что именно его правил автор. Редакция текста проведена тщательно, автор явно обращал внимание на каждую букву.

Конечно, времени, сил и средств на эту работу ушло немало.

О других копиях ничего не известно. Логично было бы предположить, что Андрей Иванович передал их ближайшим родственникам и друзьям. Кого-то расстреляли, как его племянницу Ольгу, вместе с которой он жил после смерти жены. Одни уехали, другие остались; увозить за границу рукопись весом 7–8 кг стал бы не всякий, скорее взяли бы золото и камни. Хранить сочинение титулованного родственника или друга в после революционной России было небезопасно. Боюсь, что других копий мы не увидим.

Права на издание своих мемуаров автор передал Румянцевскому музею; по ныне действующему законодательству ничто не препятствует *полному* изданию мемуаров Дельвига. Данное издание отличается от всех предыдущих тем, что впервые текст был тщательно выверен по первоначальной рукописи, которая хранится в Российской государственной библиотеке. Работа велась путем исправления текста первого издания, размещенного на сайте РГБ. Кроме того, мы включили в книгу ряд документов, публикаций и других материалов, которые глубже раскрывают обстоятельства той

эпохи.

Подробное изучение документального наследия барона А. И. Дельвига – дело будущих исследователей и не входило в наши планы. При подготовке данного издания были использованы наиболее известные архивные фонды, позволяющие получить дополнительный материал для написания биографической статьи и комментариев к публикации «Воспоминаний». Мы обращались к фондам Российского государственного исторического архива в С.-Петербурге. Здесь нами были использованы:

M 3018/III

F 805 15/346

1852-1862

1852-1862

Фотография рукописи, хранящейся в Российской государственной библиотеке.

Музейное собрание. Ф. 178.1 (русская и славянская часть). № 3018.1–6

Ф. 446. Оп. 26. Д. 8, 16; Оп. 28. Д. 6, 1: «Материалы всеподданнейших докладов по ведомству путей сообщения» за 1861, 1869, 1883 гг.

Материалы о службе барона А. И. Дельвига были также нами выявлены в этом хранилище – его послужной список (РГИА. Ф. 207. Оп. 10. Д. 819) и дело о службе сенатора инженер-генерала барона Дельвига (РГИА. Ф. 1405. Оп. 88. Д. 806).

Кроме официальных документов в РГИА находятся и личные письма барона. В фонде «Фонд гр. Толстой и Покровские» хранятся письма Дельвига к графине Лидии Николаевне Толстой за 1877–1880 гг. (Ф. 1061. Оп. 1. Д. 22).

Интересные документы, относящиеся к служебной деятельности А. И. Дельвига на Кавказе, находятся в Государственном архиве Краснодарского края, фонд 261 (канцелярия начальника Нижнекубанской кордонной линии Кубанского казачьего войска).

В процессе подготовке к изданию рукописи «Воспоминаний» мы использовали архивные документы, хранящиеся в других архивах. Мы благодарим за сотрудничество:

Архив Музея воды Мосводоканала, Москва;

Государственный исторический музей (Отдел письменных источников), Москва;

Государственное казенное учреждение Центральный архив Нижегородской области (ГКУ ЦАНО);

Архив Музея РЖД на Павелецкой (Москва);

Архив федерального государственного бюджетного учреждения культуры Центральный музей железнодорожного транспорта Российской Федерации (ФГБУК ЦМЖТ), С.-Петербург.

Впервые публикуются пусть и немногочисленные, но тем более ценные фотографии и рисунки, изображающие автора и тех, о ком он пишет; а в качестве предисловий мы подобрали материалы, написанные об А. И. Дельвиге в разные годы. Текст рукописи был приведен в соответствие с современными нормами правописания, однако сохранен синтаксис и некоторые особенности речи, характерные для того времени. Так, в современном словоупотреблении уже нет сочетания «в виду» в значении «учитывая перспективу»; не встречается «за тем» или «затем», приблизительно означающее «с тем», «заканчивая этим»: «и за тем хотел выйти из присутственной залы», «затем предложение министра финансов... не имело никакого основания»; «через это» больше не означает «из-за этого»: «и через это лишали обеда». Сейчас непривычны выражения «в селе Лебедке, Хитрове», «близ села Больших Мытищ» или «в стихотворении Воейкова „Сумасшедшем доме“». Эти и подобные «неправиль-

ности» не мешают чтению, зато передают живую речь русских людей позапрошлого века. Насколько было возможно, мы восстановили и отметили соответствующим образом вычеркнутые фрагменты текста, так как было неясно, является ли это авторской или редакторской правкой, *en masse* вернули авторскую разбивку на предложения и подчеркивания, сделали мелкую правку согласно с текстом рукописи, что зачастую убирало явную бессмыслицу. Например, 2 раза было ранее повторено, что Военно-строительное училище в силу каких-то недоразумений выпускало *генералов*, что на самом деле оказалось *инженеров*!

В ходе работы над мемуарами барона была составлена большая комментаторская база, которая в одних случаях разъясняет или уточняет, в других – несколько подправляет, а иногда и расширяет границы первоначального текста. Приведу примеры. В первом томе барон пишет следующее: «С 1829 г. аналитическую геометрию, дифференциальные и интегральные исчисления начал читать в институте, вместо профессора этой части математики инженер-подполковника Ламе, инженер-поручик Янушевский, ныне (1872 г.) действительный статский советник и заслуженный профессор института». И мы вдруг обнаруживаем, что его дочь – Елена Держинская, в девичестве Янушевская, была матерью Феликса Эдмундовича Держинского! Или, например, автор пишет, что «...мать Кюхельбекера... была, сколько я помню, кормилицей ВЕЛИкого Князя Михаила Павловича», – и

узнаем, что этот великий князь впоследствии приложил максимум усилий, чтобы самому Кюхельбекеру смертную казнь по делу о декабристах заменили каторгой!

В настоящем издании книги А. И. Дельвига «Мои воспоминания» 4 тома. Помимо текста «Воспоминаний», в них содержатся приложения – документы, публикации, письма и проч., позволяющие лучше понять автора, объясняющие его позицию по тому или иному вопросу, полнее раскрывающие характер обстоятельств и лиц, о которых пишет А. И. Дельвиг. Приложения добавлены автором или составителем. Так, например, в дополнение к вступлению «От составителя» мы поместили в Приложения статью «Московский Мытищинский водопровод» из «Русского художественного листка» за 1860 год (*Приложение 1* первого тома). В ней много говорится о личном вкладе А. И. Дельвига в модернизацию, а по сути создание новой системы первого в Москве и исключительно важного для столицы Мытищинского водопровода. В этой статье названы и другие выдающиеся заслуги Дельвига, которые в его «Воспоминаниях» описаны как будничные, насущные «труды и дни». Воспитанный в строгих правилах, Андрей Иванович неизменно скромно в оценке своей деятельности; представляется, однако, справедливым показать нашего прапрадеда достойным представителем своего поколения и своего века, коль скоро таким его видели современники.

Предыдущие издания «Моих воспоминаний»:

1. Согласно завещанию Андрея Ивановича, впервые 4 тома его воспоминаний были изданы Московским Публичным и Румянцевским музеями (ныне Российская государственная библиотека) в 1912–1913 гг. тиражом 500 экземпляров (общий объем 1862 с.).

Мы провели тщательное сравнение настоящего издания с изданием Румянцевского музея.

В первом томе (главы I–IV) этого издания в результате цензурской/редакторской правки было изъято всего 434 фрагмента текста (5625 слов), что составляет 3,6 % общего текста. Кроме того, были изъяты 4 страницы (предположительно самим автором), соответствовавшие рукописным страницам 683–686 (с изменением всей последующей нумерации страниц) тетради I. Соответственно, последний материал не может быть опубликован в принципе.

Во втором томе (главы V–VII) этого издания было изъято всего 830 фрагментов текста (12 080 слов), что составляет 6,5 % общего текста.

В предисловии к 4-му тому Г. П. Георгиевский, хранитель рукописи, писал: «...буквальное напечатание записок барона А. И. Дельвига представило непреодолимые затруднения. Его откровенное и резкое перо иногда позволяло себе выра-

жения, недопустимые по отношению к лицам высокопоставленным и особенно ныне здравствующим. Иног да барон сообщал сокровенные пружины событий и разоблачал совсем интимные подробности жизни своих современников» (Барон А. И. Дельвиг. Мои воспоминания. Т. IV. С. XIX). Какие же выражения оказались в 1913 году *недопустимыми* применительно к лицам высокопоставленным и какие *интимные подробности* не подлежали огласке? Их оказалось много.

Дядя автора, князь Дмитрий Андреевич Волконский, с высоты своего княжеского достоинства прилюдно вступал в пререкания с московскими жандармами, хотя, как вспоминает автор, князей в столице был «целый легион», и полиция «оставляла его делать беспорядки» (читавшие Библию знают, что *легионом* называли себя бесы, изгнанные Иисусом из человека в Гадарине).

Нижегородский военный губернатор генерал-лейтенант Бутурлин, по свидетельству Дельвига, рассылал по городу «вполне бессмысленные и безграмотные» объявления, в которых, например, призывал жителей во время пожаров сидеть дома и беспокоиться о его сохранности, а не посылать своих людей во все концы города: «скачут взад и вперед без оглядки, так что их лошади при встрече стучаются лбами (буквально)» – взятого в скобки нет в первом издании «Мои воспоминаний», ибо не мог личный друг императора Николая – тот самый, принявший А. С. Пушкина за столичного ревизора-инкогнито и отправивший срочную депешу со сво-

ими подозрениями приятелю, оренбургскому губернатору, – выразиться *буквально* так! Не к месту это *буквально*, как и любая критика *лиц высокопоставленных*.

Особую бдительность первые издатели проявили, понятно, к особам императорской фамилии. Например, совсем не язвительные и не оскорбительные комментарии Дельвига к описанию заутрени в Зимнем дворце под Светлое Христово Воскресение с участием государя все же создавали карнавальный эффект: Николай Павлович «обыкновенно христосовался со всеми военными и гражданскими чинами первых четырех классов, со штаб и обер-офицерами гвардии и со штаб-офицерами флота и армии; каждый целовался с Государем два раза...»; «так что поцелуев было бесчисленное число», – добавляет Дельвиг, а издатель вычеркивает. При императоре Александре II эта церемония продолжалась, пока не «вышло повеление, чтобы подходили христосоваться с Государем только члены Государственного Совета, сенаторы, почетные опекуны, генерал-адъютанты и проч.». «Конечно, число поцелуев этим распоряжением значительно убавилось, но все еще их чрезвычайно много» – и это замечание автора не попало в его книгу 1912–1913 гг.

Официально предварительной цензуры в то время уже не существовало, но Григорий Петрович Георгиевский, под чьим наблюдением готовилось издание, по-видимому, не считал возможным бросать тень на лики самодержцев, хоть и уже почивших в бозе. Или сказался немалый опыт сотруд-

ничества с петербургскими газетами и журналами. Во всяком случае, из воспоминаний Андрея Ивановича Дельвига тщательно и последовательно было выброшено все, что способно запятнать репутацию высокопоставленных лиц.

«Молодая Нелидова очень понравилась Государю... (далее вычеркнуто: и вскоре сделалась его любовницей)». «Многие обвиняют Клейнмихеля в том, что он этому способствовал, но я слышал от достойных веры людей, что он, напротив того, принимал меры, конечно, не вполне энергичные, удалить Нелидову от Государя, за что неблаговоление последнего к Клейнмихелю еще более увеличилось. Но когда эти меры не помогли, то Клейнмихель воспользовался положением... (вычеркнуто: которое ему сделано было присутствием в его доме любовницы Государя)».

Вряд ли эти сведения более чем полувековой давности о *сокровенных пружинах* событий и *совсем интимных подробностях* жизни современников Андрея Ивановича Дельвига могли шокировать общество в 1912–1913 гг., когда никого из участников событий уже не было в живых. Но факт остается фактом – этих и подобных сведений в первом издании «Моих воспоминаний» нет.

2. В 1930 г. в издательстве «Academia» вышло второе сокращенное двухтомное издание мемуаров А. Дельвига под названием «Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига. 1820–1870» (М.; Л.: Academia, 1930 / Ред. и вступ.

ст. С. Я. Штрайха, предисл. Д. О. Заславского). Общий объем двухтомника 1189 с.; тираж 5070 экз. Издатели указали, что ранее «Мои воспоминания» были *«опубликованы с такими пропусками, что не только нарушена воля завещателя, но совершенно искажены его первоначальные намерения и извращен подлинный смысл сообщаемых им фактов»* (с. 16): в издании 1912–1913 гг. было изъято *«не менее двух с половиной печатных (авторских, по 40 000 знаков) листов записей Дельвига, которые... коренным образом меняют смысл всего напечатанного...»* (с. 19). Тем не менее издателям и самим *«пришлось подвергнуть огромную рукопись А. И. Дельвига значительным сокращениям...»* (с. 20). Уточняем: в первом томе издания 1930 г. выброшено 50 % текста, во втором – ок. 68 %.

С полной уверенностью можно назвать эту версию памятником советской идеологии, а совсем не русской жизни 1820–1870 гг. Автор предисловия Д. О. Заславский, едва ли не самая одиозная фигура в литературной критике и журналистике 2-й пол. 1920-х – 1930-х гг., увидел в бароне Дельвиге «благожелательного сообщника» «концессионной вакханалии» в железнодорожном строительстве, а в его воспоминаниях – «колоритную картину этого периода капиталистического накопления, который либеральными историками был фальсифицирован под названием „эпохи великих реформ“», в действительности будучи «разбоем под видом честных спекуляций» (с. 11). Однако «спокойный и обстоя-

тельный рассказ» барона Дельвига, по мнению Заславского, должен быть дополнен «злой сатирой» Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина «на деятелей этой эпохи (в том числе и на самого Дельвига)» (с. 12). Редактор второго издания С. Штрайх, наоборот, пришел к выводу, что Дельвиг, «генерал и министр императорского правительства... убедительнее резких памфлетов и гневных агитационных брошюр... показывает всю гниль верхов буржуазного общества, самым ярким, законченным отражением которого были правящие круги царской России» (с. 22). Не отказывая автору воспоминаний в литературном таланте («и с этой стороны оправдал свою близость к литературному кругу друзей Пушкина»), С. Штрайх находит его идейную позицию уязвимой: «Автор хочет показать, что больные овцы портят все правящее стадо, что если бы к управлению призывались одни только благомыслящие... и умеренные люди, то и отдельные крестьяне благоденствовали бы, платя посильный оброк, и вся страна в целом процветала бы, а владельцы железнодорожных облигаций спокойно стригли бы в положенные числа купоны и умножали бы свое скромное достояние»; убежденный в закономерности «спекулятивно-биржевых экономических отношений», Дельвиг-де, «начав свою служебную карьеру нищим прапорщиком», без зазрения совести рассказывает, как знакомство с «закулисной стороной дела» позволило ему нажить состояние (с. 22–23). Свою задачу как редактора нового издания книги воспоминаний А. И. Дельвига

С. Штрайх видел, во-первых, в том, чтобы «отобрать из всей массы (!) рассказанного... наиболее ценное в историко-общественном и историкополитическом отношениях» (с. 20), а во-вторых, обнародовать наконец неблагоприятные подробности, опущенные в первом издании, поскольку такие «дополнения» придают «совершенно другой историко-научный и общественно-политический смысл печатному произведению с определенной репутацией» (с. 14). То, что репутацию произведения надо изменить, С. Штрайх осознавал четко и действовал так же уверенно.

«Постраничные заголовки составлены по содержанию» (с. 24), – предупредил он; эти заголовки, иначе колонтитулы, навязчиво, на каждой странице преследующие читателя, строго идейно выдержаны и, мягко говоря, решительно смещают авторские акценты: первая составляющая «революционной ситуации», *бесчинства и злоупотребления властью имущих* – «Капризы Лопухиной», «Купанье в шампанском», «Интриги Дубельта», «Извороты Бенкендорфа», «Пытка декабриста» и проч.; *несостоятельность власти* – «Глупые проекты», «Неспособность начальников», «Тупоумие сановников», «Бездействие генералов», «Глупость Урусова», «Анекдотический губернатор», «Сумасшедший министр», «Падение курса рубля» и проч.; вторая составляющая «революционной ситуации», *бесправие и бедственное положение народа* – «Битье солдат», «Гибель солдат», «Розги в институте», «Разорение населения», «Царские пиры и го-

лод», «Нравы крепостного времени», «Выколачивание недоимок», «Истязания крестьян», «Бедствия рабочих» и проч.; *пробуждение классового сознания трудящихся* – «Ненависть к угнетателям», «Пропаганда революции», «Забастовка извозчиков», «Первый рабочий союз», «Бунт крепостных», «Брожение на Дону», «Прокламации 1863 года», «Революция в Польше», «Брожение в России», «Войска против студентов», «Войска против народа».

Дельвиг для С. Штрайха – «весьма умеренный либерал из русских чиновных немцев, старавшихся, наряду с сохранением баронских титулов, подчеркнуть свой „истинно-русский“ патриотизм и преданность идее православно-монархического великодержавия» (с. 573), поэтому совсем не грех придать его «писаниям» (выражение Штрайха) смысл, до которого барон не дорос в силу своей сословной ограниченности.

3. В 2014 г. издательство ИП Соловьев И. В. «Оксюморон» выпустило воспоминания А. Дельвига одним томом («Андрей Иванович Дельвиг. Полвека русской жизни», общий объем 1216 с.). Жаль, выразительный подзаголовок «Сто лет под цензурой» в название не включен, остался на корешке. Согласно данным издателей, выпущенные Румянцевским музеем «Воспоминания» были сокращены примерно на 1/5 часть по сравнению с оригиналом, а издание 1930 г. еще в 2 раза. В версии 2014 г. *«были восстановлены выпуски*

как царской, так и советской цензуры», однако текст все же представлен не в полном объеме, так как «...четыре страницы были потеряны безвозвратно»; тем не менее, по уверению издателей, подготовленная ими книга максимально приближена «к первоначальной задумке А. И. Дельвига».

Текст действительно достаточно полный: не дословно, но всё сколько-нибудь значимое из рукописи включено. В главах I–IV (том I) отсутствуют 390 фрагментов текста разной длины (всего 3789 слов), что составляет 2,4 % авторского текста; по II тому (главы V–VII) эти же данные составляют 791 фрагмент и 8608 слов, что равно 5,2 % авторского текста.

Безусловное достоинство книги – живо и толково написанное Р. В. Малковым и И. В. Соловьевым предисловие, в котором находим и современную оценку описанного Дельвигом пятидесятилетия («Когда Н. В. Гоголь в конце первого тома „Мертвых душ“ вопрошал, куда мчится тройка Русь, у великого писателя не было ответа на этот вопрос. Мы ответить готовы! В то время она напрямик неслась, летела, мчалась к Октябрю 1917 года. Всем ли русским нравится такая быстрая езда?»), и дань уважения к автору («Системе не нужен был человек со столь высокими профессиональными и моральными качествами»), и высокую оценку оставленного им литературного памятника. Хороши примечания: немногочисленны, но информативны и действительно нужны. Жаль, что «подготовка текста к изданию, перевод в со-

временную орфографию» выполнены не слишком тщательно.

4. В 2010 г. в Нижнем Новгороде увидела свет книга «А. И. Дельвиг. Из „Моих воспоминаний“ (нижегородские страницы)». Составители (Н. В. Морохин, Д. Г. Павлов) включили в нее все касающееся жизни и деятельности Андрея Ивановича на нижегородской земле, где, кстати, Дельвига хорошо знают и много о нем пишут.

5. В 2015 г. издательство «Книжный клуб Книговек» выпустило наиболее сокращенную версию книги объемом всего 800 страниц (А. И. Дельвиг. Полвека русской жизни). Книга входит в издательскую серию «Литературные памятники русского быта». В книге Дельвига есть сведения и такого рода, однако склонностью к бытописанию он явно не обладал, о чем напоминает не раз и не два, например вот этим замечанием из III главы: «Описывать обеды и вечера того времени я не буду; вероятно, найдутся другие описатели». Нелюбовь Андрея Ивановича к описаниям чем-то сродни его неспособности к рисованию и черчению, талант его был в другом: видеть и понимать, что движет людьми в их поступках и какие силы, взаимодействуя, образуют события, он ведь был прирожденным инженером.

Воспоминания А. И. Дельвига, предлагаемые читателю впервые в полном объеме, без сомнения, интересны и сего-

дня. Выход книги приурочен к 160-летней годовщине со дня реконструкции Мытищинского водопровода (1 ноября 1858 года), проходившей под руководством А. И. Дельвига. Книга может быть весьма своевременной для русского просвещенного читателя, задумывающегося о ходе русской истории, ее героях и злодеях. Поэтому чрезвычайно актуальным является ее переиздание именно в *полном* виде, что поможет забытым именам русской истории вновь занять подобающее им место в отечественной культуре.

* * *

В настоящем издании спользованы следующие условные обозначения:

- в {фигурных} скобках дан фрагмент текста, отсутствующий (вырезано цензором/редактором) в издании Румянцевского музея 1912–1913 гг.;
- в <ломаных> скобках дан фрагмент текста, вычеркнутый в рукописи;
- в [квадратных] скобках, курсивом даны уточнения и пояснения, внесенные составителем;
- xxx – изъятие текста объемом в 4 страницы (с. 683–686 тетради I) и начало новой нумерации текста.

Составитель выражает благодарность следующим организациям, их сотрудникам и частным лицам:

1. АО «Мосводоканал»: генеральному директору Александру Михайловичу Пономаренко за поддержку этого издательского проекта; Ларисе Ивановне Данилиной, Оксане Георгиевне Божневой (за содействие в нашей работе, помощь в оцифровке рукописи и материалов, касающихся деятельности А. И. Дельвига по строительству Московского водопровода);

2. Музей изобразительных искусств (Ганновер, Германия): Геннадия Николаевичу Звягину (за фотографии А. И. Дельвига и документы из личного архива); он пишет, что фотографии «...были найдены в подвале старого дома в Гамбурге. Ранее они принадлежали Лизелотте Круглевской-Андерс. Во время Второй мировой войны она была участницей антифашистской подпольной организации „Свободный Гамбург“. После войны – политическим деятелем, депутатом СПД, доктором политической экономики и куратором по искусству Гамбурга. Написала несколько книг по искусству и художественной педагогике. Была знакома со многими знаменитыми художниками того времени. Поддерживала культурные связи с Россией и считала себя православной по вере. Предки ее мужа, Круглевского, когда-то жили в России

и имели какие-то родственные связи Дельвигами...». Далее Г. Н. Звягин пишет: «...Андрей Дмитриевич Дельвиг, как и Круглевский, после событий 1917 г. тоже оказавшийся в Германии, проживал недалеко от Гамбурга и часто бывал в доме у Круглевских. Его отец Дмитрий Николаевич Дельвиг [*сын Николая Ивановича Дельвига*]¹ в 90-х годах позапрошлого столетия был градоначальником Нижнего Новгорода, а позже вице-губернатором Томска. Дмитрий Николаевич, после революции оказавшийся в Китае, позже, видимо, переехал в Германию; [он] приходился Андрею Ивановичу Дельвигу племянником. Можно предположить, что эти фотографии когда-то могли быть оставлены на хранение или просто подарены на память Борису Николаевичу»;

3. Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская государственная библиотека» (ФГБУ «РГБ»): Евгении Эдуардовне Вишневецкой (за помощь по организации работы с оригинальной рукописью «Моих воспоминаний» в Отделе рукописей); Марии Евгеньевне Ермаковой, Андрею Сергеевичу Кутепову, Дмитрию Викторовичу Федорову (за помощь в организации оцифровки оригинальной рукописи «Моих воспоминаний» А. И. Дельвига); Владимиру Ивановичу Гнездилову;

4. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

¹ Пояснение составителя Алексея Александровича Дельвига. Далее такие примечания не оговариваются.

Российской академии наук (ИРЛИ РАН): Ирине Владимировне Кошкиенко и Татьяне Ивановне Краснобородько (за предоставление материалов: копии двух стихотворений А. А. Дельвига и А. С. Пушкина из фонда Рукописного отдела Пушкинского Дома и разрешение на их публикацию);

5. Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына: Ирине Николаевне Тишиной (за поддержку, советы и организационную помощь);

6. Музей-усадьба «Ясная Поляна»: Александру Евгеньевичу Муляру за фотографии и документы;

7. Всероссийский музей А. С. Пушкина: Сергею Михайловичу Некрасову (за ценные советы);

8. Отдел информационного обеспечения и использования документов, ГКУ Центральный архив Нижегородской области: Наталье Владимировне Батюковой (за предоставление копий документов).

Составитель также выражает признательность лицам, принимавшим участие в подготовке этой книги:

Александру Алексеевичу Дельвигу (мл.) (Москва) за большую организационную помощь и Александру Алексеевичу Дельвигу (ст.) (Москва) за предоставление книги А. И. Дельвига «Мои воспоминания» (М.: Издание Московского Пуб личного и Румянцевского музеев, 1912–1913);

Олегу Николаевичу Наумову (Москва) за написание статьи по геральдике родового герба Дельвигов (*Приложение 2*

первого тома);

Галине Георгиевне Дельви́г (Москва) за документы, помощь и поддержку;

Павлу Алексе́евичу Дельви́гу (Лондон) за переводы с французского языка и помощь с поиском информации для составления комментариев;

Светлане Вале́рьевне Глиняной, Антону Алексе́андровичу Дельви́гу, Татьяне Григо́рьевне Дельви́г и Екатерине Алексе́андровне Дельви́г за техническую помощь.

Алексей Александрович Дельви́г

Предисловие от хранителя рукописи (1912)

19 мая 1886 года сенатор, инженер-генерал барон Андрей Иванович Дельвиг обратился с следующим письмом на имя Василия Андреевича Дашкова^[2], директора Московского Публичного и Румянцевского музеев:

Милостивый государь Василий Андреевич!

Прилагая пять томов «Моих воспоминаний», имею честь покорнейше просить Ваше высокопревосходительство принять их на хранение в Московском Публичном и Румянцевском музее с тем, чтобы они были вскрыты в 1910 году. При сем имею честь заявить, что исключительное право на печатание «Моих воспоминаний» я предоставляю этому музею, равно как и всю могущую получиться выгоду от их продажи, о чем значится в моем нотариальном духовном завещании, совершенном 5 мая сего года у Петербургского нотариуса Рёриха.

В этом же завещании назначена мной выдача безвозвратно тысячи рублей для воспособления музею по печатанию означенных воспоминаний.

Прошу принять, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же

преданности.

Барон Андрей Дельви́г

Полученный пакет с «Моими воспоминаниями» был передан в Отделение рукописей, где и хранится под № 3018.

В январе 1887 года барон А. И. Дельви́г скончался, и 24 февраля того же 1887 года духовное завещание его было утверждено С.-Петербур́гским окру́жным судом. 20 марта 1887 года прокурор С.-Петербур́гского окру́жного суда препроводил директору музея выписку из утвержденного духовного завещания, по которому музею предоставлялись: 1) исключительное право на печатание составленных бароном Дельви́гом «Моих воспоминаний», имеющих храниться в музее; 2) право на всю могущую получаться выгоду от их продажи и 3) одна тысяча рублей безвозвратно на воспособление музею по печатанию «Моих воспоминаний».

Во исполнение воли умершего душеприказчик его Я. И. Утин^[3] 27 апреля 1887 года препроводил музею одну тысячу рублей на воспособление по печатанию составленных бароном Дельви́гом «Моих воспоминаний».

18 января 1911 года запечатанный пакет с «Моими воспоминаниями» был вскрыт в Отделении рукописей, в присутствии его сиятельства г. директора музеев князя В. Д. Голицына^[4], и тогда же приступлено было к выполнению воли барона А. И. Дельви́га по печатанию его воспоминаний.

В настоящее время под моим наблюдением напечатан первый том воспоминаний барона А. И. Дельви́га и подготавли-

ются к печатанию следующие тома.

21 августа 1912 г. *Хранитель Г. Георгиевский*^[5]

Глава I

1813–1826

Род баронов Дельвигов. Род князей Волконских. Смерть отца моего. Мать моя в Московском Никитском монастыре. Поездки в деревню. Семейство Викулиных. Задонский монастырь. Мой старший брат Александр. Первоначальное образование. Дядя мой барон А. А. Дельвиг и его семейство в Туле. Поступление моего старшего брата в Костромской кадетский корпус и сестры к княгине А. И. Урусовой в Ярославле, а потом к С. П. Боборыкиной в Нижнем Новгороде. Сосед наш и родственник Ф. А. Лопухин. Д. Н. Лопухина и ее учебные заведения. Поступление мое в учебное заведение Д. Н. Лопухиной. Отъезд Д. Н. Лопухиной с семейством в ее киевское имение. Пребывание мое в заведении Д. Н. Лопухиной. Перевод кадетского корпуса из Костромы в Москву. Переезд дяди моего князя Дмитрия Волконского в Москву. Жизнь матери моей и ее братьев в Москве. Семейство Зуевых. Подача просьбы об определении меня в Институт путей сообщения. Кончина Императора Александра I. Выход мой из заведения Д. Н. Лопухиной. Жизнь в подмосковной деревне. Коронация Императора Николая I. Дядя мой князь Дмитрий, флигель-адъютант Микулин и московская полиция. Мнение дяди моего князя Дмитрия об А. А.

Дельви́ге. Отъезд в С.-Петербург.

Родился я 13 марта 1813 г. в с. Студенец, в двух верстах от большого села Патриарши, в Задонском уезде Воронежской губернии^[6]; назван я Андреем в честь отца моей матери.

Предок отца моего, родом из Вестфалии^[7], в XV столетии присоединился к тем рыцарям, которые в XIII и XIV столетиях завоевали Прибалтийское побережье, населенное литвинами, эстами и латышами, – частью язычниками, а частью уже принявшими православие. Мечом обратили они все население в католиков, а впоследствии, перейдя сами в лютеранство, обманом обратили все туземное население в лютеран. Часть этого побережья, принадлежащая России, составляет ныне Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую губернии. О предках моих со стороны отца я очень мало знаю, так как меня никогда не занимала моя родословная; скажу однако же о них несколько слов.

При покорении первых двух провинций Петром Великим многие из нашей фамилии были на государственной службе в Швеции, которой эти провинции тогда принадлежали; один из Дельвигов^[8] был полковником и принимал какое-то участие при заключении Ништадтского мира^[9], конечно, со стороны Швеции.

Фамилия наша принадлежала к матрикулированному дворянству Лифляндской губернии в Риге^[10]; кажется, в Домкирхе теперь еще красуется наш герб^[11] [см. Приложение 2 первого тома] между прочими гербами потомков ры-

царей ордена меченосцев, но я его не видал.

Фамилия наша в старину была богата. Моему предку в прошедшем столетии принадлежали имения: Грос-Пунчерн, Клейн-Пунчерн и еще какие-то; но один из предков, под именем Дельвиг Пригожий (der Hübsche)^[12], был большой мот и ничего не оставил своему сыну. Оставшиеся у него имения он принужден был для уплаты значительных долгов на 50 лет передать мужу дочери своей (кажется, графине Штакельберг^[13]). Срок этот истек в 20-х годах нынешнего столетия, но в семье нашей не осталось никаких документов об означенной сделке, и имения нам возвращены не были. Об этой сделке я узнал, когда мне было лет 14 от роду, от двоюродного брата моего барона Антона Антоновича Дельвига^[14]. Отец мой никогда не говорил моей матери об этом деле, вероятно, потому, что, при отсутствии документов на вышеупомянутую сделку, считал его потерянным.

Не имея никакого состояния, отец мой барон Иван Антонович^[15] поступил очень рано в военную службу, в 1807 г. в войну против французов был сильно ранен, так что принужден был оставить военную службу в чине майора.

У него был один брат барон Антон Антонович^[16], две родные сестры и одна сестра по матери от первого ее брака. Одна из родных сестер Христина^[17] была замужем за Паткулем^[18], другая Катерина^[19] за Куцевичем, а последняя^[20] за Гурбандтом^[21].

Дядя мой был гораздо старше отца, состоял в 1807 г.

в должности московского плац-майора, которую он занимал до 1816 г. Он был женат на Красильниковой^[22], которая приходилась двоюродной сестрой моей бабки, а следовательно, теткою моей матери. Здесь встретил ее мой отец. Он был очень красивый и ловкий мужчина и умел понравиться моей матери, которая отличалась красотой и многими необыкновенными достоинствами; состояние же ее было весьма ограниченное. Она полюбила страстно моего отца, что будет видно из дальнейшего рассказа, но уже ясно из того, что она решилась выйти замуж за человека без всякого состояния, за лютеранина, с которым сверх того состояла в свойстве, что было не совсем правильно по тогдашним понятиям. При твердости характера моей матери и ее религиозных убеждениях эта решимость еще более имеет значения.

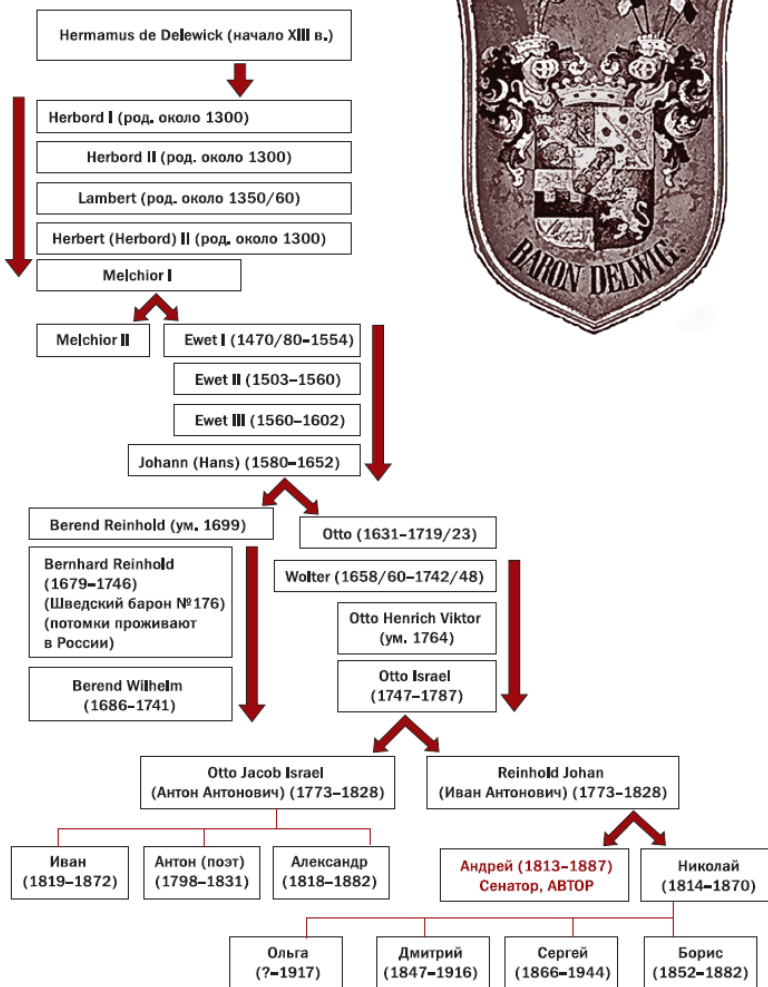

Схема генеалогического древа семьи Дельви́г.

Имя автора «Моих воспоминаний» Андрея Ивановича Дельвига выделено красным. В верхнем правом углу представлен герб российской ветви семьи, к которой принадлежал автор

французский фронт Действит. Высочайшее утвер-
дить означенное и повелено исполнить. Подписанное
подписавших Председатель Государственного Собор-
на Константинъ 18 Мая 1868 года, и справку
по коей оказалось, что Правительствующий Сенат
по вступившим законски изданным в даронских
титулах французский фронт Действит. 22 Января
1867 года опредѣлилъ: Изъ указа сего видно,
что въ 1852 году Правительствующий Сена-
томъ сдѣлано было распоряженіе о приве-
деніи въ исполненіе указомъ вѣсть тогда
предъимпійскихъ дворянскихъ французовъ, кои сво-
исагали себя въ правахъ пофобартаваръ даронскихъ
титуловъ, и, по разсмотрѣніи полученныхъ
отъ Департамента Дворянского представительства
отписокъ таковыхъ французовъ, по которымъ изъ-
нѣтъ въ 1855 году присутствіе было право на су-
начинной титулахъ, на томъ, между прочимъ
основаніи, что именъ тогда французскіе вѣдь не имѣ-
ли вѣдь даронскихъ въ актахъ русскаго правитель-
ства, состоявшихся до изданія повеленій Комиссе-
ра Ф. С. Минюрова въ Мартѣ 1833 г. За тѣмъ
Въ 1855 году

Императорскаго Государственнаго Сѣна-
 та постановленіемъ присланнымъ къ
 нему публикованаго актовъ, кои по-
 числены въ ст. 22 ч. II Об. Устав. Свѣд. указомъ
 нымъ и присланнымъ въ доказательство име-
 ящихся въ оныхъ губерніяхъ, и другіе, въ ка-
 ждой губерніи мѣстныхъ, и другіе, въ ка-
 ждой губерніи актовъ, въ которыхъ положе-
 ніемъ дано означено и подлинности кото-
 рыхъ подлинности сохранили, и дѣлаемъ при томъ про-
 шемъ ласку и уваженію, состоявшимъ при-
 казаніемъ Комитета Министровъ 7 Марта 1853
 года или ономъ ономъ. По поводу сего, и въ исполне-
 ніе указа общаго Собранія первой гласности Департа-
 мента и Департамента Губерній Правленія
 амурскаго Сѣна, отъ 10 числа того 1853 года
 Департаментъ Губерній Предводителю Департамента
 преданныхъ списки губерніи франціи: Гил-
 рийскіе, Страсбургскіе, Голландскіе и Швейцарскіе. Въ отно-
 шеніи послѣднихъ франціи изъ списковъ и докумен-
 товъ оказывается, что предка въ Московскіе
 Губерній Предводителю Губерній Предводителю
 Швейцарскіе Губерній Предводителю Губерній Предводителю
 отъ 17 Января 1820 года данъ постановленіемъ въ Губернію

достоинство, а другие чины французские, такие как Бургундский - Гейнгольд, в грамоте Его Императорского Высочества Великого Князя Петра Александровича, датированной в Париже 30 Августа 1787 года, о принятии его в службу и о награждении Матюшинских при пожаловании Свентинского, на имение баронское, Датландский или Туринский Предводитель Шварцента удостоверяется, что французский Франсуа Лисовский происходил от их числа древних дворян Франции Бергестерова, и внесен в матрикулную книгу происшедших Датландии к России, так как до того матрикулная книга не существовала. Сводный в то время документ и выдан от законными (Св. Зак. т. IX в соот. изд. 1857 г. примол. к ст. 56. прим. к ст. 53 Св. уст. о ст. указ. части II ст. 25 и Высочайшее повеление 8 Июня 1859 года Императорского Великого Князя о доказательстве на баронский титул Ветзейский дворянин), и находил, что этот один из условий представляется дворянскими французскими прибавочными чинами баронского титула и истинно, что французский Франсуа Лисовский

въ Россіи; но какъ возмущеніемъ въ 1860^{мъ}
 году вступилъ о томъ, могутъ сии Земледѣ-
 лскіе дворянскіе франшійи, выписывая въ импері-
 яхъ послы члны Земледѣлскіе воина въ
 составъ Россійской Имперіи, пользо-
 вались баронскіи титуломъ, разрѣ-
 шень поименно Высочайше
 утвержденнымъ 20^{мъ} Декабря 1865 года
 имперіи Государственнаго Совета по
 прошенью 22го Земледѣлскіе баронскіе
 франшійи; то, руководствуясь сими
 имперіи Государственнаго Совета,
 и принявъ по виду, что докумен-
 ты о баронскомъ достоинствѣ франшійи
 Дювилья соответствуютъ требовані-
 ямъ закона, — Правительствующій Со-
 ветъ опредѣляетъ: о дозволеніи сии
 франшійи пользоваться баронскіи ти-
 туломъ представитъ по Высочайше
 моему Его Императорскаго
 Величества соизволенію. При-
 казанъ: Общезначительнаго Вы-
 сочайшаго повелѣнія нѣтъ.

12.12.68

Доминскому Дворянскому Ведению украинск.
Листа 14 дня 1868 года. Подписавших: Моваринца
Порочинский-старый Кор..... Сиротиница Момою
милк Секретаря Траса. Съ под. впрно: Барон
Штакаш-дворян-Секретаря Домин. Дворянства.
Важно: а не являюся и не являюся

По Высочайшему повелению. Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, из Правительствующего Сената Эстляндскому Дворянскому Депутатскому собранию. По Департаменту Герольдии

По указу Его Императорского Величества, Правительствующий Сенат слушали: предложенный Господином Министром Юстиции список с Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета следующего содержания: Государственный Совет в Департаменте гражданских и духовных дел, по рассмотрении определения Правительствующего Сената Департамента Герольдии, о баронском титуле Эстляндской дворянской фамилии фон Дельвиц мнением положил: утвердить по сему делу заключение Правительствующего Сената. Его Императорское Величество воспоследовавшее мнение в Департаменте Гражданских и Духовных дел Государственного Совета по делу о баронском титуле Эстляндской дворянской фамилии фон Дельвиц Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить. Подлинное подписал председатель Государственного Совета Константин 13 Мая 1868 года и справку по коей оказалось, что Правительствующий Сенат по выслушании записки из дела о баронском титуле фамилии фон Дельвиц 29/15 Ноября 1867 года определил: Из дела сего видно, что в 1852 году Правительствующим Сенатом сделано было распоряжение о при-

ведении в положительную известность всех тех прибалтийских дворянских фамилий, кои полагали себя вправе пользоваться баронским титулом, и, по рассмотрении полученных от Эстляндского Дворянского представительства списков таким фамилиям, некоторым из них в 1855 году предоставлено было право на означенный титул, на том, между прочим основании, что члены тех фамилий были наименованы баронами в актах русского правительства, состоявшихся до издания положения Комитета Г. г. Министров 7 Марта 1833 года. За тем Высочайше утвержденным 8 июня 1859 года мнением Государственного Совета постановлено причислить к числу публичных актов, кои поименованы в ст. 28 ч. II Св. мест. остзейск. узаконений и принимаются в доказательство пользования баронским титулом, и другие, всякого рода публичные акты, в которых пользование сим титулом было оглашено и подлинность которых не подлежит сомнению, не делая при том различия между актами, состоявшимися прежде положения Комитета Министров 7 марта 1833 года или после оногo. По поводу сего, и в исполнение Указа общего Собрания первых трех Департаментов и Департамента Герольдии Правительствующего Сената, от 10 июля того 1859 года Эстляндский Губернский Предводитель Дворянства представил списки дворянским фамилиям: Гемфрейх, Сталь фон Гольштейн и Дельвиц. В отношении последней фамилии из списков и документов оказывается, что предок ее Полковник Бернгард-Рейнгольд фон

Дельви́г грамотою Шведской Королевы Ульрики-Элеоноры от 17 Января 1720 года был пожалован в баронское достоинство, и другой член фамилии, также Бернгард-Рейнгольд, в грамоте Его Императорского Высочества Великого Князя Петра Федоровича, данной в Оранienбауме, от 30 августа 1758 года, о принятии его в службу и о назначении Тайным при посольстве Советником, наименован бароном, Эстляндский же Губернский Предводитель Дворянства удостоверяет, что фамилия фон Дельви́г принадлежит к числу древних дворян времен Гермейстеров, и внесена в Матрикулу после присоединения Эстляндии к России, так как до того Матрикулы там не существовало. Сообразив таковые документы и сведения с законными (Св. зак. том IX о сост. изд. 1857 г. прилож. к ст. 56 прим. к § 3 Св. мест. остз. узак. части II ст. 23 и Высочайше утвержденное 8 июня 1859 года мнение Государственного Совета о доказательствах на баронский титул Остзейских дворян), и находя, что хотя одним из условий предоставления дворянским фамилиям Прибалтийских губерний баронского титула и постановлено, чтобы фамилия была внесена в Матрикулу до присоединения Остзейского края к России; но как возбужденный в 1860^м году вопрос о том, могут ли Эстляндские дворянские фамилии, внесенные в Матрикулу после чем Эстляндия вошла в состав Российской Империи, пользоваться баронским титулом, разрешен положительно Высочайше утвержденным 20го декабря 1865 года мнением Государственно-

го Совета по делу о 22^x Эстляндских баронских фамилиях; то, руководствуясь сим мнением Государственного Совета, и принимая на вид, что документы о баронском достоинстве фон Дельвиг соответствуют требованиям закона, – Правительствующий Сенат определяет: о дозволении сей фамилии пользоваться баронским титулом представить на Высочайшее Его Императорского Величества соизволение. Приказали: О вышеозначенном Высочайшем повелении дать знать Эстляндскому Дворянскому Собранию указом. Июня 4 дня 1868 года. Подписал: Товарищ Герольдмейстера Кор..... Скрепил: Помощник Секретаря Грасс. С под. верно Барон Штакельберг – Секретарь Эстлян. Дворянства. (Послед. строка. нрзб.)

Российский государственный исторический архив (СПб.).
Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1789. Л. 61–63 об.

Мать моя, урожденная княжна Волконская^[23], следовательно, была одного из бесчисленных потомков² Рюрика, св. князя Владимира равно-апостольного^[24] и замученного в орде св. Михаила Черниговского^[25]. Отец ее, князь Андрей Александрович^[26] (умер в 1813 г.), был сын князя Александра Григорьевича^[27] и внук князя Григория Ивановича^[28], бывшего при Петре Великом боярином, а впоследствии генералом от кавалерии, начальником всех драгунских полков и обер-комендантом Москвы, Тулы и Ярославля. Он

² ...была одного из бесчисленных потомков ... – так в рукописи.

получил за свою службу несколько имений от Петра Великого и, между прочим, вышеупомянутый Студенец, в котором я родился. За скорое сформирование девяти драгунских полков и приведение их под Азов Петр Великий пожаловал ему богатую кружку, которая хранится у меня. В семействе покойного моего двоюродного брата Николая Александровича Замятина^[29] хранится целая книга писем временщика князя А. Д. Меншикова^[30] к князю Г. И. Волконскому. В этой же книге имеются и два письма Петра Великого к нему же. Из писем Меншикова можно видеть, какие многосложные поручения возлагались на князя Волконского и как с постепенным возвышением временщика изменялся тон его писем, бывший вначале самым почтительным, а при конце сделавшийся повелительным.

Довольно значительное имение князя Григория Ивановича делилось между его потомками, и на долю внука его, а моего деда, досталось около тысячи душ крестьян в Московской, Воронежской, Орловской и Пензенской губерниях, из коих выделена моей матери, при ее замужестве, законная часть, 14-я доля, 70 душ в Саранском уезде Пензенской губернии. У нее было три брата: Александр^[31], Николай^[32] и Дмитрий^[33] и четыре сестры: Татьяна^[34], Надежда^[35], Прасковья^[36] и Настасья^[37]. Последняя умерла в начале 20-х годов, вскоре по выходе из Московского Екатерининского института^[38], а князь Николай, служивший в конной артиллерии, умер во время Турецкой войны 1828–1829 годов.

Весьма ограниченное состояние моих родителей побудило их вскоре после свадьбы ехать в Петербург для приискания отцу моему места в государственной службе. Граф Аракчев^[39], к которому обратился мой отец с означенной просьбой, отказал ему, основывая свой отказ на том, что отец мой, как человек молодой и молодцеватый, был бы полезен для службы, но что полученная им рана не только не дает права на получение места, но служит к этому препятствием, хотя рана вовсе не была такого свойства, чтобы отец не мог исполнять всякого рода службу, кроме фронтовой.

В это время учредилось Главное управление путей сообщения, и первым главным директором был назначен принц Георгий Ольденбургский^[40], муж В. К. Екатерины Павловны^[41]. Он принял отца моего к себе на службу и впоследствии назначил смотрителем судоходства в Моршанске. В этой должности мой отец оставался недолго, вышел в отставку надворным советником и умер в начале 1815 г. в имении тетки моей Прасковьи Андреевны, состоявшей тогда под опекою старшего своего брата Александра, – с. Шарапове³ Подольского уезда, Московской губернии, а похоронен в Москве на старом лютеранском кладбище. Матери моей было тогда 26 лет от роду. Она осталась вдовою с четырьмя малолетними детьми: Александром^[42] 5-ти лет, Александрю^[43] 3-х лет, мной 2-х лет и Николаем^[44] 5-ти месяцев,

³ 1) С. Шарапово в текущем 1871 г. продано моею теткою. Здесь и далее цифрой-номером с закрывающей скобкой обозначены примечания автора.

почти без всякого состояния, так как в продолжение последних лет родители мои должны были войти в некоторые долги. Брата моего Николая по смерти отца, в воспоминание о нем, прозвали Иваном, и он слыл все время детства Ванечкою, так что многие и не знали его настоящего имени. По производстве его в офицеры он всем, кроме матери, выказывал неудовольствие, когда его назовут не Николаем, а Иваном, так что с этого времени почти все начали называть его Николаем. По истечении некоторого времени имя Ивана было совсем забыто.

...была одного из бесчисленных потомков ... – так в рукописи.

При твердости характера и значительном уме мать моя поняла, что не может продолжать жить в свете, а должна посвятить всю свою жизнь воспитанию детей и устроиться так, чтобы проживать сколь возможно менее. Вследствие этого она решилась нанять небольшую келью в Московском Никитском монастыре и не снимать траура. Она слишком любила моего отца и, будучи еще молода и очень хороша собою, конечно, принятым ею решением избежала предложений о вторичном замужестве, которого для нее, конечно, желали родные и близкие.

Я ничего не помню о жизни нашей в Никитском монастыре. Помню только, что в бытность Императорской Фамилии в Москве мать со всеми четырьмя детьми подала на дворцовом крыльце Императору Александру I прошение о поме-

щении старшего моего брата Александра в Царскосельский лицей, откуда только что вышел двоюродный брат мой. При подаче прошения мы все стояли на коленях и были обласканы Императором. Однако же брата в Лицей не определили, а назначили кандидатом в Кост ромской кадетский корпус.

После этого мы поехали в нашу Пензенскую деревню. О пребывании в ней также ничего не помню, кроме того что брат Александр был в то время весьма опасно болен и что он был спасен от смерти уездным доктором.

Отделенные матери моей при ее замужестве крестьяне были поселены в деревне, которой большая часть, по смерти моего деда, досталась брату ее князю Дмитрию. Ему она продала и свою часть и жила впоследствии процентами с полученного ею капитала, менее 30 руб. ассигнациями. При всей бережливости и умении жить, конечно, этих процентов было весьма недостаточно, и потому мать со всеми нами, по приглашению ее брата Николая, переехала жить в доставшееся ему по наследству после деда село Студенец, в котором я родился. Часть же зимних месяцев мы проводили в Москве, где останавливались у кого-либо из родных, а именно: у брата моей матери Александра, вышедшего из гусаров в отставку майором еще в 1811 г., у сенатора Волчкова^{Н4} и у Моисеевой^[45], жившей в доме Рахманова^[46]. В ту зиму, в которую мы останавливались у дяди Александра, была его сва-

⁴ Здесь и в дальнейшем буква ^Н означает, что дополнительных сведений установить не удалось.

дьяба, которая показалась мне тогда очень пышной. Он женился на Екатерине Григорьевне Ломоносовой^[47], которой мать была урожденная Волчкова. Княгиня после замужества скончалась через год. У сенатора Волчкова помню длинные накрытые столы, к которым ежедневно приходили обедать и мало знакомые Волчкову лица. Рахманов вел большую карточную игру и жил открыто. Его брат был женат на Красильниковой^[48], родной сестре жены дяди моего барона Дельвига и Александры Матвеевны Моисеевой, которая жила в это время в одном доме с Рахмановым. Она была бездетной вдовою и, получив после смерти мужа хорошее состояние, воспитывала вторую дочь сестры своей баронессы Дельвиг, Варвару^[49]. По смерти игрока Рахманова он оставил огромное состояние трем племянникам, детям его брата, женатого на Красильниковой. Самая большая часть досталась младшему племяннику Михаилу Федоровичу^[50], известному гастроному. Он, по приказанию дяди, оставил службу немедленно по производстве его в инженер-прапорщики, не кончив курса в Институте инженеров путей сообщения, где еще должен был бы учиться в двух высших классах, прапорщичьем и подпоручичьем. Он метал банк и вообще вел картежную игру за своего дядю.

В деревне мы вели жизнь очень тихую. Помню, что часто гостили в с. Борках, Задонского же уезда, у откупщика Алексея Федоровича Викулина^[51], бывшего в молодости простым целовальником и нажившего очень большое состо-

ание. Он постоянно считал себя обязанным нашему семейству. В люди он вышел с помощью родного деда моей матери Филиппа Ивановича Ярцова^[52], бывшего долго воронежским вице-губернатором в чине генерал-майора. От первого брака Викулин имел двух сыновей, Семена^[53] и Андрея^[54], и нескольких дочерей. Он вступил во второй брак с внучатной сестрой моего деда княжной Кугушевой^[55], от которой имел трех сыновей: Владимира^[56], Сергея^[57] и Ивана^[58] и нескольких дочерей^н. При вступлении во второй брак А. Ф. Викулин не был еще дворянином. Подобная женитьба показалась бы необыкновенной и в наше время, а тем более считалась такою в прошедшем столетии. Старший сын его Семен, также пользуясь покровительством моих родных, рано был зачислен в службу и в 20 лет состоял обер-интендантом в подполковничьем чине, что и дало возможность его отцу купить на имя С. А. Викулина село Хмелинец^[59], ныне принадлежащее сыну последнего Семену Семеновичу^[60]. В начале текущего столетия А. Ф. Викулин, получив Владимирский крест, сделался, по тогдашним узаконениям, дворянином и купил с. Борки с другими деревнями. Крестьяне в этих имениях не хотели повиноваться своему новому владельцу по причине его низкого происхождения. Дошло до бунта, как тогда принято было называть всякое ничтожное непослушание со стороны крепостных людей, и усмирения его войсками. Чтобы избегнуть подобной беды на будущее время, все значительное населенное имение А. Ф. Викулина было им переписа-

но на имя моего деда князя А. А. Волконского, без всякой гарантии со стороны последнего в том, что имение это принадлежит Викулину, с представлением, конечно, самому Викулину всех доходов с имения. По прошествии нескольких лет, когда можно было надеяться, что крестьяне покорятся их действительному владельцу, имение снова было передано А. Ф. Викулину, и это незадолго до смерти моего деда.

Из деревенской моей жизни мне очень памятливы только: свадьба моей родной тетки княжны Прасковьи, вышедшей замуж за Александра Гавриловича Замятина^[61], сына Гаврилы Александровича^[62] и жены его Марии Григорьевны, урожденной княжны Кугушевой, родной сестры жены А. Ф. Викулина, и частые посещения Задонского монастыря, куда для богомолья неоднократно ходили мы с матерью пешком. А. Г. Замятин служил в Переяславском конноегерском полку, стоявшем в Ельце. Мать моя всегда говела в Задонском монастыре, во время говенья мы останавливались в монастырской гостинице; в другое же время останавливались в Задонске в доме Викулина или в небольшом домике Авдотьи Федоровны Румянцевой^Н, дочери провинциального секретаря, прибывшего на службу в Задонск при самом открытии Воронежской губернии и Задонского уезда. В монастыре особенно уважаемы были чудотворная икона Божией Матери и могила святителя Тихона^[63]. Перед первой моя мать служила часто молебны, а на могиле Тихона – панихиды. Тело его лежало в особенной пристройке к храму, куда оно

перенесено в 1810 г. из могилы, в которой было погребено по кончине святителя. Мать моя была свидетельницей этого перенесения и неоднократно говорила, что сама удостоверилась, что тело не подверглось тлению. Это было в то время, когда еще никто не мог предвидеть, что оно, по официальном осмотре, будет найдено нетленным. Мать моя была также свидетельницей перенесения мощей Тихона из упомянутой пристройки к храму в соборный храм на то место, где, по причислению нашею церковью святителя Тихона к лику святых, они положены в богатую раку под изящным серебряным балдахинном.

В 20-х годах текущего столетия многие еще помнили святителя, которого очень уважали, в том числе был Семен Алексеевич Викулин, муж моей родной сестры, у которого сохранился портрет святителя, рисованный с натуры. Он вовсе не похож на изображение святителя, висевшее над его мощами и поступившее в продажу в нескольких десятках и даже сотнях тысяч экземпляров. Впрочем, теперешний архимандрит Задонского монастыря Дмитрий^[64] брал упомянутый портрет святителя у сестры моей, у которой он находился после ее мужа, и снял с него копию для гравирования. Стечение богомольцев в Задонске в 20-х годах было постоянно значительное. Много говорили тогда о разных чудесах и в особенности о чудесных исцелениях больных, притекавших с верою ко гробу святителя. Из лиц, бывших тогда в монастыре, памятны мне: Григорий затворник^[65], которого

жизнь описана в напечатанной брошюре, – он очень любил мать мою, меня, моих⁵ братьев и сестру; архимандрит Самуил^[66] и иеродиакон Филарет^Н. Торжественные обряды православной церкви, конечно, производили сильное впечатление на детские натуры, и мне очень нравилось служение последнего, тогда молодого и красивого мужчины, которого впоследствии я видел уже старым иеромонахом. Еще замечателен был в монастыре иеромонах Ириней, который служил панихиды при гробе святителя каким-то свойственным ему одному напевом, поминая имя Тихона и другие имена, о которых ему пред началом панихиды подавались записки молящимися. Впоследствии брат мой Николай, служа в конноартиллерийской батарее, стоявшей в Задонске, очень верно передавал этот напев и много этим смешил нас.

В одно из наших хождений из Студенца в Задонск (расстояние 25 верст) с нами произошло следующее: в то время еще было много леса на этом протяжении. Мать моя очень рано начала терять зрение и шла с повязанными платком глазами. Старший брат мой и я бежали впереди, и, когда мы потеряли из виду мать с сестрой и младшим братом и других лиц, шедших с нею, брат Александр предложил мне взойти в лесок, из которого ко времени прихода матери, как он мне говорил, мы успеем вернуться. В лесу была поляна, на которой паслось стадо; быки, коровы и собаки не должны были бы нам, живущим летом в деревне, показаться чем-либо

⁵ моих вписано над текстом.

новым или страшным, но, не знаю почему, испуганное наше воображение приняло быков и коров за диких свирепых животных, виденных нами на картинках, а собак за волков. Когда собаки нас увидели и побежали к нам, брат Александр сказал мне, что волки едят людей только когда голодны, и потому чтобы я ложился на землю, а что он ляжет на меня, они его съедят и будут сыты, а я буду спасен. Так мы и сделали; собаки, подбежав к нам, обнюхали нас и ушли, из чего брат заключил, что они не были голодны. Я рассказываю это происшествие для того, чтобы обратить внимание на благородные чувства моего брата, которые несколько не изменились в продолжение всей его кратковременной жизни, о чем будет неоднократно упомянуто далее в моих воспоминаниях. Отойдя несколько шагов от того места, где обнюхивали нас собаки, мы встретили цыганку, которая расспрашивала нас, чьи мы дети и куда идем. Брат отвечал, что мы такие-то, потеряли мать и идем в Задонск к Викулиным. Цыганка взялась нас проводить. Вскоре встретилась нам какая-то крестьянка и, удивясь, что два хорошо одетых барчонка идут с цыганкой, подошла к нам с теми же вопросами и, вследствие ответа брата, сказала нам, что цыганка ведет нас вовсе не в Задонск, а в цыганский табор, и советовала идти с нею. Завязался сильный спор между крестьянкою и цыганкою. Брат рассудил, что лучше верить русской бабе, чем цыганке, и мы пошли за первой. В это время цыгане крали маленьких детей, ломали им руки и ноги и вообще уродовали, чтобы, но-

ся их на своих руках, вызывать сострадание и получать более обильную милостыню. Вот какая участь могла бы ожидать меня, если бы брат не предпочел послушаться крестьянку. По его возрасту, они его верно где-нибудь бы бросили, а я мог бы им очень пригодиться для вышеупомянутой цели. Мы пришли с крестьянкою в Задонск, в котором Викулиных в это время не было, и нас отвели в дом А. Ф. Румянцевой. Там уже знали о нашей пропаже; мать хватилась нас вскоре после того, как мы своротили с дороги в лесок, и, когда сопровождавшие ее не нашли нас, она послала в город и в ближайшие деревни нанять подводы и людей для отыскания нас, объявив, что не выйдет из леса, пока нас не найдут. Немедля по приходе нашем в дом Румянцевой послали об этом объявить матери, и она, расплаканная и встревоженная, вскоре приехала. Конечно, нас побранили, и мы ожидали, привыкнув к строгости матери, сильного наказания, но оно ограничилось обещанием, что для пристыжения нас о нашем поступке напечатают в «Московских ведомостях»^[67], выходявших тогда два раза в неделю, и мы с братом каждую почту ждали того номера, в котором будет о нас напечатано, пересматривали каждый номер и только по прошествии долгого времени решили, что верно нас совсем простили и потому ничего не печатали.

Мать сама начала учить нас очень рано; брата Александра когда ему было 3 года от роду, а меня вместе с сестрой когда мне было 4 года. Учили нас целый день и требовали очень

строго, чтобы мы были внимательны и знали задаваемые нам уроки. Вообще вели нас, и в особенности старшего брата и сестру, чрезвычайно строго; никакая вина, даже ошибка не проходила без наставления и взыскания; доходило и до телесных наказаний. Странно, что я никогда не подвергался последним; только раз были приготовлены уже розги, не помню за какую вину, но тетка княжна Татьяна, моя крестная мать, меня избавила от наказания, что при самостоятельности моей матери было не легко. Эта тетка постоянно жила в Студенце у брата своего князя Николая, как равно и две младшие сестры ее, находившиеся под руководством моей матери. Тетки не только не баловали нас, но еще своими требованиями, жалобами матери и доносами ухудшали наше положение, за исключением тетки Прасковьи, которая если иногда и вредила нам, то по причине необыкновенно вспыльчивого характера. Старшая же тетка, Татьяна, была очень холодна и требовательна, а вторая, Надежда, нападала на нас исподтишка, а в особенности на меня, потому что ей вообразилось почему-то, что я очень хитрый мальчик.

Учение наше было начато так рано и шло так успешно, что я даже не помню себя не знающим арифметики. Помню только, как брат Александр показывал мне, шестилетнему мальчику, тройное правило и нахождение наибольшего общего делителя. Мы знали много наизусть: стихов, басен и почти всего «Дмитрия Донского» Озерова^[68]. Нас весьма часто заставляли говорить стихи перед родными и знакомы-

ми, из которых многие нас экзаменовали и постоянно удивлялись нашим знаниям. В числе последних был командир конноартиллерийской батареи, стоявшей в Задонске, часто бывавший у Викулиных и у нас, Николай Онуфриевич Сухозанет^[69] (впоследствии бывший военным министром). Он командовал батареей в чине капитана и в то время произведен был в полковники. Перемена его эполет меня очень занимала: я любил играть жгутами его полковничьих эполет. Впоследствии он долго не встречался с нами, но и сорок лет спустя, встретив брата или меня, сейчас же вспоминал о тетеньке Паше, о тетеньке Наде, как мы их тогда называли.

В начале 1820 года мать моя поехала в Кострому, оставив младшего брата моего в Студенце на попечении тетки Татьяны, а меня завезла в Тулу к моей бабушке (*grande tante*) Александре Матвеевне Моисеевой, жившей в нижнем этаже дома, который занимала сестра ее Любовь с ее мужем, родным моим дядей, Антоном Антоновичем Дельвигом. У А. М. Моисеевой, довольно богатой вдовы, воспитывалась вторая дочь дяди Дельвига, Варвара, которую она страшно баловала и которая, несмотря на это баловство, впоследствии была примерной женщиной во всех отношениях. Она была старше меня одним годом; мы, как дети, часто⁶ссорились, и я, в глазах Александры Матвеевны, был постоянно виноват; но я нашел себе защиту в тетке моей Любви, которая, напротив, постоянно обвиняла свою дочь в наших ссорах с нею.

⁶ часто вписано над текстом.

Это возбуждало частые несогласия между сестрами; уступала всегда моя тетка, по необыкновенной своей кротости; от этого мне было не легче.

Дядя мой был добрейший человек, очень кроткий; его все любили, в особенности были к нему расположены дамы за его веселость и добродушие; такой отзыв о нем я постоянно слышал в Москве, где его многие знали, так как он прослужил в ней двадцать лет. Помню, что после производства меня в офицеры, когда я, в 1831 г., приехал в Москву, несколько дам, уже в то время старых, говорили мне, что я очень похож на моего дядю, но только далеко не так красив собою. Он по своей кротости не мешался в распри сестер. Из жизни моей в Туле, кроме этих распрей, помню только, что дядя мой иногда ездил после обеда осматривать караулы с целью найти какие-либо беспорядки, и когда находил их, то, возвратясь домой, рассказывал о том, что караул не так выбежал, как следовало, что барабанщик пробил дробь неправильно, и о взысканиях, им наложенных. Конечно, провинившемуся барабанщику и нижним чинам отсыпалось известное количество палочных ударов. Как понять в таком кротком и хорошем человеке, каким был дядя, ту легкость, с которою он приказывал бить палками солдат? Это объясняется только тем, что не только тогда, во время учреждения военных поселений^[70], но и гораздо позже наказание нижних чинов палками было для многих не только вещью очень обыкновенной, но даже и удовольствием. Последнему трудно верить,

но, к сожалению, это было так. Страшно вспомнить об этом времени.

Мать моя отдала старшего брата в Костромской кадетский корпус; она там познакомилась с богатым купеческим семейством Солодовниковых^[71], которые пригласили ее жить в их доме, где она оставалась несколько месяцев, часто посещая жен лиц, начальствовавших в корпусе.

Директором корпуса был генерал-майор Ушаков^[72], жена которого была в это время очень молодая женщина^[73] и, несмотря на кучу детей, была очень красива собой. Впоследствии она была известна всей Москве, сохранив до старости замечательную молодость и красоту. Также известны были всей Москве и ее дочери.

Проездом в Кострому мать моя оставила дочь свою в Ярославле у князя Василия Алексеевича Урусова^[74], который был в первом браке женат на родной тетке моей матери, Анне Филипповне Ярцевой^[75], давно умершей. Служа в Воронеже, он женился во второй раз на бедной дворянке Анне Ивановне Семичевой^[76]. Она в особенности понравилась ему, страстному охотнику драматического искусства, в трагических ролях, которые она разыгрывала на домашних спектаклях.

Князь В. А. Урусов имел от первого брака двух дочерей: Наталью и Анну, бывших замужем первая за [*Иваном Степановичем*] Коптевым^[77], а вторая^[78] за Моисеенковым-Великим; а от второго брака несколько сыновей и двух доче-

рей Софью^[79] и Веру^[80]. Первая была одним годом старше моей сестры [*Александры*], которую оставили у кн. Урусова для воспитания вместе с его дочерьми. Сестра оставалась у них четыре года. В 1824 г. мать ее взяла для баллотирования в Московский Екатерининский институт, но баллотировка была для нее неудачна; несмотря на живое участие заведовавшего этим институтом почетного опекуна Саблина^[81], хорошего знакомого матери, сестре не удалось попасть в институт в число пансионеров, плата за которых производится из особых сумм. Мать отвезла ее тогда в Нижний Новгород, к своему другу и дальней родственнице Софье Петровне Боборыкиной^[82], женщине весьма умной. Ее муж Василий Дмитриевич, в это время нижегородский уездный предводитель дворянства, был довольно богат. У них было много детей и, между прочими, две дочери, с которыми и должна была воспитываться моя сестра, но она осталась у Боборыкиных только один год. Известный теперь романист Боборыкин^[83] внук Василия Дмитриевича.

Самые близкие наши родные в Задонском уезде были три сына брата моего деда, князя Льва Александровича Волконского^[84], и сын его сестры^[85] Федор Ардалионович Лопухин^[86]. Князь Л. А. Волконский, женатый на своей крепостной женщине, не дал сыновьям никакого воспитания; они слыли в уезде за очень дурных людей, чуть не за разбойников, и мать моя, ее братья и сестры не только с ними никогда не видались, но постоянно избегали встречи с ними.

На долю бабки моей [*Надежды Федоровны*] Лопухиной досталась небольшая часть Студенца, которую наследовал упомянутый сын ее [*Федор Ардалионович*] Лопухин. Его усадьба была в расстоянии менее версты от нашей; он был большой чудак, ходил всегда в полушубке, и мы редко виделись. Он был стар, женат на девице Воронец, очень недурной собою; она его оставила, и я ее в деревне не помню. Они имели дочерей^[87], которые были хороши собой; впоследствии и мать, и дочери сошли с ума. Лопухин имел в Москве богатую родственницу вдову Дарью Николаевну Лопухину^[88], которой досталась часть огромного имения князя Потемкина^[89]. Д. Н. Лопухина имела двух сыновей: Петра^[90] и Андриана^[91] Федоровичей, женившихся впоследствии на двух родных сестрах красавицах, дочерях генерала барона Удома^[92], и двух дочерей: Екатерину^[93], вышедшую впоследствии замуж за генерал-майора Скордули, и Прасковью^н, умершую в девицах. Сначала Лопухина приняла нескольких воспитанников и воспитанниц из бедных дворян для обучения вместе с ее детьми. Но впоследствии число этих воспитанников и воспитанниц увеличилось первых до 12-ти, а вторых до 20-ти. Они были на полном ее иждивении, так что образовалось два учебных заведения: мужское и женское. Курс мужского заведения равнялся бывшему тогда гимназическому курсу, но новые иностранные языки, французский и немецкий, были и практически и теоретически лучше изучаемы; воспитанники говорили довольно свободно на обоих языках.

Окончившие курс в этом заведении легко выдерживали экзамен в студенты Московского университета, где они продолжали пользоваться денежным пособием от Д. Н. Лопухиной, а некоторые получали эти пособия, состоя и на службе.

Понятно, что мать моя желала определить меня в это заведение и хлопотала об этом через общего ее и Д. Н. Лопухиной родственника, но последняя решительно отказала, ссылаясь на то, что она не хочет увеличивать комплекта мужского заведения, {а выхода из него вскоре не предвиделось}⁷, что она принимает только самых бедных детей и что я имею, по ее мнению, богатых дядей и вообще богатых родственников, которые могли бы меня воспитывать. Наконец она согласилась посмотреть на меня, но не хотела принимать моей матери. В феврале 1821 г. мать моя привезла меня в ее дом; нас приняла старшая ее дочь, и меня скоро позвали к Дарье Николаевне. Дом^[94] ее, близ Солянки, в Лопухинском пер. (по крайней мере так он назывался тогда), впоследствии принадлежавший Кокореву, а теперь Морозову, довольно большой, но мне, ребенку, привыкшему видеть небольшие дома, он показался громадным. Из анфилады комнат, обращенных в большую сад, открывался прекрасный вид на Кремль, и так как в обоих концах этой анфилады стояли большие зеркала, то мне казалось, что комнатам нет конца.

Д. Н. Лопухина провела меня по всей анфиладе. Выра-

⁷ Фрагмент текста, отсутствующий в издании Румянцевского музея 1912–1913 гг.; далее такие случаи не оговариваются.

женное мной удивление при виде такого дома было ей приятно. По этой причине или по какой другой я ей понравился, и она выслала сказать своей дочери, что принимает меня в свое учебное заведение, но не желает видеться с моей матерью. Несколько дней спустя мать моя привезла меня для поступления в это заведение, в которое я был отведен старшею дочерью Д. Н. Лопухиной, так как она сама никак не хотела видеться с моей матерью, вскоре уехавшею в Студенец. Директором заведения был Юлий Петрович Ульрихс^[95], бывший тогда инспектором классов в Московском воспитательном доме и лектором немецкого языка в Московском университете, а впоследствии профессором всеобщей истории. Он был человек очень добрый, сколько я могу помнить, не дальний, но занимавшийся ревностно принятою на себя обязанностью. Он очень любил меня.

Для преподавания наук и языков были приглашены лучшие учителя гимназии, лекторы и даже адъюнкт-профессоры Московского университета. Учителем Закона Божия был законоучитель Екатерининского института протоиерей Василий Иванович Богданов^[96], бывший впоследствии долго протоиереем церкви Св. Никиты на Старой Басманной. Он был человек ученый, любил наряжаться и постоянно носил пояс и нарукавники, вышитые его многочисленными воспитанницами.

Впоследствии место законоучителя в нашем заведении занял священник нашей приходской церкви во имя Св. Вла-

димира^[97], далеко не ученый. Церковь эта стоит на пригорке против Ивановского монастыря. Разграбленная в 1812 г., она вновь устроена Д. Н. Лопухиной, которая положила и особое содержание причту. Приход церкви состоял всего из трех домов: Лопухиной, доктора Шнейдера лютеранина и какого-то армянина, так что церковь эту она считала как бы своею домашней, хотя церковь была довольно отдалена от ее дома. Взяли к нам приходского священника в законоучители, вероятно, для улучшения его содержания, так как, по отъезде Лопухиной в киевскую деревню, церковь оставалась⁸ почти без прихода.

Нас водили в эту церковь и в лютеранскую церковь Св. Павла^[98] через воскресенье, так как между нами были лютеране, а дежурный надзиратель был один. Пастор последней церкви Геринг^[99] учил в нашем заведении Закону Божию; меня всегда поражали в его проповедях разные выражения и жесты, которые мне казались вовсе неуместными в церкви.

Классы наши ежедневно начинались чтением Евангелия на славянском языке. Воспитанники, как православные, так и лютеране, читали его по очереди.

Танцевать учил Иогель^[100], впоследствии замененный очень искусным и красивым французом Флаге^H.

При вступлении моем в заведение мне было почти 8 лет; я оказался всех моложе и посажен в низший класс. Я так хо-

⁸ оставалась вписано над строкой.

рошо приготовлен был дома, что учение в этом классе было для меня весьма легко, так что я, даже лентяй, был первым учеником и любим всеми учителями. Легкость, с которою я мог быть первым в этом заведении, еще более развила во мне природную всем Дельвигам лень. Мужское заведение помещалось в половине нижнего этажа большого дома, ближайшего к воротам в Лопухинский переулок, а женское в особом флигеле, также ближайшем к означенным воротам. Для непосредственного надзора за воспитанниками были приставлены два надзирателя: француз и немец, дежурившие через день. Старшие воспитанники были поручены первому, младшие второму. Я был в числе последних. Добрый немец Арнольд^н, очень недалкий, полюбил меня. Воспитанникам позволялось говорить по-русски только по воскресеньям; в остальные дни говорили один день по-французски, а другой по-немецки. За нарушение этого правила вручали билет, и тот, кто его имел к обеду или к ужину, ел только одно блюдо. Кормили хорошо. Конечно, воспитанник, имевший означенный билет, всеми силами старался передать его другому, в особенности перед наступлением обеда и ужина, что было часто причиной ссор. Я не учился дома языкам, но выучился им вскоре по поступлении в заведение. Учителя постоянно удостоверялись в знании воспитанниками уроков и делали отметку: «превосходно, отлично хорошо, весьма хорошо, очень хорошо, хорошо, изрядно, посредственно, дурно, очень дурно». Такие же отметки делали ежедневно

надзиратели о нашем поведении. По субботам Ю. П. Ульрихс внимательно, в нашем присутствии, рассматривал эти отметки, хвалил получивших хорошие, внушал лучше учиться получившим посредственные, а получивших дурные бранил и подвергал разным взысканиям, даже иногда сек розгами. Но и в этом заведении, в котором я пробыл пять лет, я избегнул телесного наказания.

Товарищи мои были действительно дети весьма бедных родителей. Никто из них впоследствии не занимал на государственной службе, на которой они все состояли по выпуске из университета, даже сколько-нибудь видного места. Я укажу только на четырех из них: двух сыновей директора Ульрихса, Федора^[101] и Карла^Н, Андрея Щепина^Н и сына умершего генерал-лейтенанта Аполлона Бострем^Н. Первые двое не жили в заведении, а ходили только в него учиться. Старший брат [*Федор*] по выходе из Московского университета долго служил в почтовом департаменте, был в оном по 1863 г. председателем комитета, цензуравшего иностранные периодические издания, а теперь состоит в чине тайного советника председателем С.-Петербургской Евангелической лютеранской консистории и членом от правительства в Управлении училищ Евангелической лютеранской церкви Св. Павла.

Щепин был экспедитором в канцелярии Государственного Совета и вышел в отставку действительным статским советником; он также был старше меня.

Карл Ульрихс и Бострем, почти одних лет со мной, были моими товарищами во все время, проведенное в означенном заведении.

В женском заведении воспитывались также дочери бедных родителей и, несмотря на хорошее образование, ни одна из них впоследствии ничем не была замечательна. Помню из них Волкову^Н, очень хорошенькую собой, Решетинскую^Н и Жилинскую^Н. В то время жила еще в женском заведении уже кончившая в нем курс, но не знавшая ни своих родителей и никого из родственников баронесса Надежда Иустиновна Дельвиг^Н. Мать моя очень старалась разузнать, к какой отрасли нашей фамилии она принадлежала, но разыскания ее были тщетны. Впоследствии она жила в доме сенатора Машиновского^[102] и вышла замуж за дальнего его родственника и однофамильца, весьма бедного чиновника, ныне уже умершего. Она жива еще и теперь; имела несколько детей, всегда жила и теперь живет очень бедно.

В первые месяцы моего пребывания в заведении до отъезда Д. Н. Лопухиной с семейством в ее киевское имение я был под особым покровительством ее старшей дочери [*Екатерины*], которую она, впрочем, не любила; это была одна из многих странностей этой женщины, делавшей много благодеяний и воспитанием бедных детей, и ежемесячной раздачею значительных сумм бедным семействам. Д. Н. Лопухина меня одного из всего заведения иногда призывала к своему

столу. Помню, что в июле 1821 г. я был призван к обеденному столу, к которому приглашены были митрополит Серафим^[103], переведенный в это время в С.-Петербург, и назначенный на его место Московский архиепископ Филарет^[104]. В другой раз к обеду был приглашен Авраамий Сергеевич Норов^[105], бывший впоследствии министром народного просвещения. Его благородная наружность и деревянная нога (потерял ногу при Бородине) очень меня поразили. После обеда были призваны и другие воспитанники; Норов сделал нам беглый экзамен и очень был доволен вообще и в особенности моими ответами.

В начале августа, после молебна о благополучном путешествии в присутствии Д. Н. Лопухиной, ее семейства, всех воспитанников и воспитанниц ее заведений, ее управляющих, многочисленной прислуги, которой вообще при доме было, сколько помнится, до 200 человек, и многих знакомых, она с семейством уехала в имение свое Шполу, Киевской губернии. Отъезд ее мотивировали желанием сократить расходы, ближе наблюдать за этим значительным имением, а главное быть ближе к богатому своему дяде Высоцкому^[106] в надежде получить от него наследство.

Я очень мало знаю об ее пребывании в Шполе; знаю только, что младшая ее дочь Прасковья вскоре по приезде в Шполу умерла, что оба сына ее с нею вскоре поссорились; дядя ее Высоцкий принял их сторону и после смерти предоставил свое имение не ей, а ее сыновьям, которых она хотела ли-

шить наследства, и предоставив большую часть своего имения дочери Екатерине, вышедшей после ее смерти замуж за генерал-майора Скордули.

Братья последней завели с нею процесс; она с своей стороны заявила о незаконном их браке на двух родных сестрах-баронессах Удом, несмотря на то что известный Киевский митрополит Евгений^[107] не только не преследовал Лопухиных за эти браки, но и ее уговаривал не начинать дела, которое очень долго длилось, стоило Лопухиным много денег и принесло им много нравственных потрясений. Кончилось тем, что генерал Удом отказался от той из дочерей, которая вышла позже замуж, утверждая, что его настоящая дочь вскоре по рождении умерла, но, чтобы не огорчить его жены, бывшей очень слабою после родов, она была подменена другой девочкою, в чем и представил свидетелей. В числе последних был благороднейший и честнейший Сталь^[108], бывший в то время московским комендантом, который подтвердил показание Удома, сколько помнится, под присягой. В бытность мою на службе в Москве молодым офицером П. Ф. Лопухин^[109] приезжал в Москву с женой. Я бывал у них, и нельзя было насмотреться на жену его, истинную красавицу. Она вскоре умерла, а потом умер и муж ее. Их дочь впоследствии вышла замуж за Николая Васильевича Исакова^[110], в настоящее время генерал-адъютанта и начальника Главного управления военно-учебных заведений.

В 50-х годах, когда я жил в Москве, А. Ф. Лопухин^[111]

с женой и детьми и Е. Ф. Скордули с мужем жили также в Москве и уже помирились.

В Москве Скордули умер, а А. Ф. Лопухин и его жена, имея несколько детей, из которых старшие сыновья были на службе, а старшая дочь взрослая девица, разошлись и говорили друг про друга такие вещи, что я не хочу и передавать их, не зная, насколько было в них правды, и тем более, что я пишу не их, а свою биографию. Общественное мнение, впрочем, обвиняло А. Ф. Лопухина в страшном преступлении. Всего страннее то, что после многих лет разлуки и постоянных скверных рассказов мужа о жене, а жены о муже они сошлись.

Перехожу к описанию моего пребывания в заведении Д. Н. Лопухиной. По отъезде ее мужское заведение было переведено в бельэтаж, в половину, выходящую во двор, и большая зала сделалась нашею рекреационной залой. Вообще помещение наше значительно улучшилось. Мы играли ежедневно в большом саду, который расположен на крутом уклоне горы, так что зимою мы устраивали в нем от террасы дома до забора ледяную гору, по которой катались на салазках. В этом заборе были большие полукруглые отверстия с железными решетками, обтянутыми проволокой. В этих отверстиях мы покупали у разносчиков разные сладости, мороженое, сбитень и т. п. и часто в долг. Из этих же отверстий мы смотрели на проезжающих. Бывший обер-полицеймейстер генерал-майор Александр Сергеевич Шульгин^[112],

очень тогда известный по переустройству московской полиции и в особенности по устройению пожарной команды, жил в Мясницком частном доме^[113], вблизи дома Лопухиной. Он по несколько раз проезжал мимо нас с двумя и даже тремя скакавшими за ним казаками. Это всегда нас очень занимало. Из этих же отверстий мы видели, как большою процессию провезли из деревни известного графа Дмитриева-Мамонова^[114] в Москву, где его лечили как сумасшедшего, капая на бритую голову холодной водою. Причина ареста Дмитриева-Мамонова осталась до сего времени для меня неразгаданной.

Фруктовый сад меньшего размера, находившийся близ женского заведения, был предоставлен для прогулки воспитанниц.

Оба заведения, мужское и женское, были поручены непосредственному надзору Ю. П. Ульрихса, который исполнял свою обязанность с постоянной ревностью. Хозяйственная часть по всему дому была поручена Кенике^Н, главному надзирателю Московского воспитательного дома, бывшему, кажется, впоследствии почетным опекуном. Мы его видали очень редко.

Наш надзиратель или гувернер Арнольд оставался в заведении очень долго; надзиратели же из французов менялись; из последних был замечателен Перон^Н по влиянию своему на Ю. П. Ульрихса, по строгости к воспитанникам и по разным проделкам, из которых приведу следующие.

Между воспитанниками многие хорошо рисовали; в этом искусстве я был, кажется, ниже всех. Хорошие рисунки воспитанников обдeldывались в рамки и висели на стенках классных комнат. Один из таких рисунков, поясной портрет французского короля Людовика XVIII, висел на видном месте в зале высшего класса. Перон, проходя мимо этого портрета, всегда в присутствии воспитанников бранил короля выражениями неудобными для повторения на письме и многим из нас тогда непонятными. Раз по прочтении поутру { по заведенному порядку } главы из Евангелия он начал ругать короля и пустил чем-то в висевший портрет, так что разбил стекло в его рамке.

По влиянию Перона на Ю. П. Ульрихса, немец гувернер Арнольд так его боялся, что не смел отвечать на постоянную брань Перона (опасаясь, конечно, потерять место), хотя Арнольд был сам очень вспыльчив и имел своего рода благородство. Перон разными средствами застращал всех воспитанников; приведу в пример одно из этих средств. Он всех воспитанников поодиночке спрашивал, не преданы ли они известному пороку, { столь сильно, к сожалению, распространенному между детьми }. Некоторые из воспитанников, и в том числе я, даже не понимали, о чем он спрашивал. Сознавшись он, конечно, пригрозил сильным наказанием и даже исключением из заведения. Не понимавшим же его вопросов он объявлял, что видит по глазам, что они преступники, и грозил тем же. Зная его влияние на Ю. П. Ульрихса,

и те и другие ему покорялись, исполняя все его требования и вынося всякую брань и несправедливые взыскания, между прочим битье линейкою по телу, часто по руке и кончикам пальцев и долгое стоянье на коленях, иногда на сухом горохе. Он имел постоянные ссоры вне заведения и иногда вызывал некоторых своих знакомых в заведение и тут же, при воспитанниках, ругал их и даже бил, а потом выгонял. Однажды позвал он какого-то француза, своего знакомого, в нашу рекреационную залу; после нескольких слов он накормил этого француза оплеухами, повалил его на землю, топтал ногами, таскал за волосы по всей зале. Мы все стояли как ошеломленные.

Француз жаловался полиции, и вечером к нам пришел пристав Мясницкой части. К этому времени прибыл Ю. П. Ульрихс, вероятно вызванный Пероном, так как Ульрихс по вечерам бывал у нас очень редко; с ним приехал и Кенике. Частный пристав рассыпался в вежливостях перед Кенике и Ульрихсом; они вчетвером пошли в особую комнату, и я не знаю, что там происходило и чем кончилось это дело; воспитанников ни о чем не спрашивали, и Перон оставался у нас надзирателем еще долгое время после этого побоища. Снисхождение Ю. П. Ульрихса к Перону тем более необъяснимо, что это происходило после того, как Перон, ходивший часто к одной из гувернанток женского заведения, {пользуясь этими посещениями}, соблазнил одну из старших воспитанниц, очень красивую и лучше других учившуюся. По открытии

ее беременности ее отвезли в Шполу к Д. Н. Лопухиной, а Перон отделался тем, что дал Ульрихсу обещание на ней жениться, которое исполнил, но спустя лишь несколько лет, когда, потеряв место, он поехал в Шполу, потому что рад был как-нибудь себя устроить. Оставаясь все еще нашим надзирателем, он успел соблазнить еще одну из воспитанниц, заставляя другую воспитанницу сторожить во время его любовных свиданий.

Только после этого Перон был прогнан и заменен другим надзирателем французом, а женское заведение переведено в Шполу, где число воспитанниц было еще увеличено.

По отъезде женского заведения нас перевели во флигель, который прежде был занят этим заведением, но для нашего гулянья по-прежнему был предоставлен большой сад.

Отпуск из заведения воспитанниц по воскресеньям и праздничным дням вовсе не допускался, а воспитанников был допускаем только к родителям и в исключительных случаях к другим лицам, вполне известным Ю. П. Ульрихсу. Ночевать вне заведения не дозволялось. Мать моя уехала вскоре по вступлении моем в заведение; близких родных в Москве не было, и потому я находился безотлучно в заведении. По воскресным и праздничным дням нас водили гулять в городе на берег р. Яузы или в ближайшие окрестности: в Сокольники, на Воробьевы горы, в Петровское, в Бутырки, Останкино, Кунцево и т. д.

В 1823 году узнал я о переводе из Костромы в Москву

кадетского корпуса, в котором был старший брат мой [*Александр*]. Я узнал, что кадет водят гулять в Анненскую рощу, находящуюся перед зданием корпуса, и уговорил моих товарищей упросить дежурного надзирателя вести нас также в эту рощу в надежде увидеть брата, которого не видал более трех лет.

Увидев {брата}, мы бросились обниматься, но вскоре раздался грубый голос дежурного офицера, который приказал брату вернуться к своим товарищам и не хотел слушать никаких объяснений и просьб {брата}. Это грубое обращение офицера с кадетом произвело на меня, привыкшего к лучшему обращению, так как Перон был не всегда дерзок, самое грустное впечатление, тем более что брат мой, тогда только 13-летний мальчик, {но по хорошему и раннему его обучению дома и по необыкновенно хорошим способностям} был уже первым учеником. Тогда же я невзлюбил военных заведений и не желал поступить в них. Впрочем, впоследствии брат, оставаясь за малолетством и малым ростом в корпусе еще несколько лет и все первым учеником, поставил себя в другое положение. Ближайшие начальники, а за ними и ротные офицеры, говорили ему «вы» вместо вообще употребительного «ты». Брат позволял себе разные вольности, одевался в корпусе не по общей форме, читал книги, что вообще запрещалось, был с младшими офицерами запанибрата, вставал позже других кадет и не ходил с ними во фронте.

Когда один из ротных офицеров вздумал ему сделать

замечание за позднее вставание и хотел поставить его во фронт, брат оттолкнул его от себя и был немедленно окружен кадетами, которые не допустили офицера до брата. Офицер жаловался начальству, но поступок брата не имел для него никаких дурных последствий.

В 1823 году дядя мой князь Дмитрий [*князь Дмитрий Андреевич Волконский*] продал свое Пензенское имение и, желая жить в Москве, купил в ней дом на Остоженке в Штатном переулке. Сверх большого дома, были два флигеля, людская изба и довольно большое пустое место. Дядя поселился в одном из флигелей, а дом и другой флигель отдавал в наймы. Строение он переделал по своему вкусу, издержал на это много денег без всякого толка; к флигелю, в котором жил сам, пристроил стеклянную галерею, в которой зимою было так холодно, что она на зиму запиралась и холодила весь дом. Пустое место он засадил фруктовыми деревьями, которые при возведении провиантских магазинов, построенных рядом с садом, совершенно пропали.

С переездом дяди в Москву он в некоторые воскресенья брал меня к себе, а так как он часто отлучался из дома, ведя постоянную карточную игру, то посылал меня к другим родственникам и близким знакомым. Всего чаще бывал я у приятельницы моей матери, графини Елизаветы Васильевны Санти^[115], которой дом был в Кривом переулке на Мясницкой, принадлежавший впоследствии г-же Корасс^h и Дикенлейну^[116]. Она меня иногда посылала к другу моей мате-

ри княгине Кольцовой-Масальской^[117], которой дом был напротив дома графини Санти, а передним фасадом выходил на Мясницкую.

Отпущенные из заведения Д. Н. Лопухиной воспитанники должны были возвращаться в заведение не позже 9-ти часов вечера, и за исполнением этого строго наблюдалось. Родственники, у которых я бывал по праздникам, конечно, покорялись этому постановлению. Дом графини Санти был недалеко от заведения, и она всегда давала свою карету, но так как требовалось, чтобы воспитанники приезжали с проводником, то в проводники ко мне всегда навязывалась Наталья Семеновна Паладьева^н, старая и весьма бедная женщина, давнишняя знакомая моей матери. Она, вместо того чтобы отвезить меня в заведение, пользовалась каретой, чтобы объездить нескольких своих знакомых, оставляя меня при этих посещениях скучать, а иногда и мерзнуть в карете. Эти разъезды были причиной моего опаздывания в заведение и влекли за собою взыскания, а потому я, во избежание их, не раз просил г-жу Паладьеву доставлять меня в заведение прямо от графини Санти. Но она меня не слушалась, а брала мальчишкою, который осмеливался ее учить, тогда как она повелевала и большими людьми и, между прочими, моим дядей бароном А. А. Дельвигом. Я упоминаю об этом, так как означенные опаздывания были единственными моими проступками, за которые я подвергался взысканию, а также для того, чтобы выказать необыкновенно задорный харак-

тер этой женщины. Обыкновенно подобные бедные старушки ниже воды тише травы перед знатными дамами; она же никогда никому не спускала, а потому жаловаться на нее графине Санти, женщине характера кроткого, было бы не только бесполезно, но даже вредно для меня. Паладьеву я видал у матери моей и в других домах, и везде она была одинакова. Между прочим, я видал ее у родной сестры графини Санти, вдовы Настасьи Васильевны Мерлиной^[118], тещи недавно умершего, почти ста лет от роду, сенатора Федора Петровича Лубяновского^[119], женщины твердого характера, строптивой и резкой в обращении, известной тем, что, в бытность ее мужа полковым командиром, полком действительно заправлял не муж ее, а она, {о чем упомянуто в печатных записках какого-то француза, путешествовавшего в то время по России}. Перед нею преклонялись все приезжавшие навестить ее, кроме Паладьевой, которая, когда нечего было есть, проводила у нее целые дни, а когда не на что было нанять комнаты для жилья, проводила у нее и ночи. Помню, что в начале 30-х годов, <когда я служил офицером в Москве>⁹, заходя к Н. В. Мерлиной, которую заставал за раскладыванием гранпасьянса, а напротив ее сидевшую Паладьеву {их разделяла лампа}, я садился так, что с одной стороны была Мерлина, а с другой Паладьева, и они по очереди обращались ко мне,

⁹ Фрагмент текста, вычеркнутый в рукописи; далее такие случаи не оговариваются.

чтобы потихоньку бранить друг друга, точно как *à parte*¹⁰ в театре, а чтобы обратить мое внимание на то, что они намерены говорить со мной, толкали меня ногой под столом, а Паладьева даже тихонько щипала.

После покупки дядей моим Дмитрием Волконским дома в Москве мать моя приезжала каждую зиму в Москву, и я по зимам праздничные дни проводил вместе с нею и обоими братьями.

Деревянный флигель, в котором жил мой дядя, имел антресоли. <В нижнем этаже следующее помещение: наружная дверь отворялась в сени, из которых были две двери, одна направо, а другая налево. Сейчас за дверью направо была маленькая передняя, в которой была лестница в антресоль и отделен небольшой буфет; из передней направо довольно большая комната, которой окна выходили на улицу и которая служила дяде приемною и кабинетом. Дверь налево из сеней вела в маленькую переднюю, за которой была комната с окнами на двор, служившая спальней дяди. К этой комнате и передней, у которых была уничтожена наружная стена, выходившая во двор, замененная стеклянными дверьми, была пристроена довольно большая галерея; наружная стена ее состояла из стеклянных дверей, из которых ничего не было видно, кроме старой грязной избы для помещения при-

¹⁰ *à parte* (фр.) – (театр.) сценические монологи или реплики, произносимые «в сторону», для публики и, по замыслу автора, «не слышные» партнерам на сцене.

слуги и грязного небольшого двора между флигелем и избою.> При входе с лестницы в антресоли направо был коридор и<з которого направо было> две комнаты, одна о двух окнах <над кабинетом дяди>, а другая об одном окне <над передней>, а налево с лестницы в антресоли была комната о двух окнах с передней. <Над стеклянной галереей не было антресоля.> В той половине антресолей, которая была вправо от лестницы, помещалась моя мать с младшим братом до поступления его в Московский кадетский корпус. В коридоре жила ее служанка; первая комната о двух окнах служила гостиной, а вторая – спальней. Человек, служивший матери, жил в общей избе. Комнату с передней в другой половине антресолей занимал старший мой брат, когда был отпускаем из корпуса и когда эта комната не была занята кем-нибудь из родственников; тетки мои часто в ней останавливались. Все эти комнаты были малы, стены в них обелены по штукатурке, а мебель в них самая простая. Бедно жила мать моя, потому что процентов с ее весьма ничтожного капитала было мало для сколько-нибудь лучшей жизни, несмотря на то что она жила в доме своих братьев и летом, и зимою. Она берегла каждую копейку, чтобы иметь возможность поддерживать сыновей хотя в первое время их службы, а дочери дать что-нибудь в приданое.

Мать моя была женщина религиозная, сострадательная к несчастным, щедрая по силе своих средств к бедным; она соблюдала все посты во всей строгости, указанной православ-

ной церковью; были дни, в которые она даже ничего не ела; церковные службы посещала она весьма часто, – в праздники явлений Божьей Матери и памяти святых любила бывать на службе в тех церквах, которые посвящены тем явлениям и тем святым. Она часто служила молебны и постоянно раздавала нищим милостыню; при всех службах ставила свечи к иконам, а в обедни вынимала части из просвир.

Когда мы были отпускаемы из заведений, она всегда брала нас с собою. По бедности матери, конечно, большая часть этих богомолий совершалась пешком.

По отдаленности Московского кадетского корпуса и заведения Лопухиной от Остоженки посылка за братом и мной по праздникам и наше обратное доставление ей были очень накладны. Обыкновенно посылала она пешком за нами единственного ее слугу Дорофея, который, смотря по состоянию погоды, приводил нас пешком или привозил на извозчике. Экипажи состояли из дрог без рессор, на которые садились боком к кучеру, и, чтобы ноги не обрызгивались грязью, на них накладывались кожаные фартуки. Только в 1825 г. к приезду принца Оранского^[120], мужа Великой Княгини Анны Павловны, бывшего впоследствии королем Нидерландским, было приказано приделать к дрогам спинки и с обеих сторон крылья, что и образовало так называемые дрожки колибер.

При необыкновенно добрых качествах моей матери среда, в которой она была воспитана и жила, не могла не иметь

на нее влияния. Это выказывалось излишними требованиями от крепостной прислуги и взысканиями с нее. Но и в этом отношении видно было ее доброе сердце в том, что она по возможности ценила услуги, оказанные крепостными ее людьми. Так, в ее услужении была девушка Авдотья Никитина, которая в то же время была нянькой всех четырех ее детей. Нельзя понять теперь, как она могла успевать делать все, что лежало в ее обязанности, и я помню, что к ней мать моя всегда относилась хорошо. Она вышла замуж за единственного слугу матери моей Дорофея Сергеева. У них рожались дети каждый год, и потому в зимние поездки матери моей в Москву Авдотья оставалась в Студенце, и для прислуги мать моя брала с собою одну из крепостных ее девушек. Дорофея Сергеева мать моя также баловала и даже прощала такие его проступки, которые при ее религиозности и высокой нравственности она должна была считать весьма важными. Дорофей был очень силен, и я помню, как бывало при частых наших переездах он с явной опасностью жизни удерживал, при спуске по крутым горам, лошадей нашего экипажа, а на необыкновенно дурных дорогах поддерживал наш экипаж, весьма грузный, так как в нем сидели мать со всеми детьми и служанкою. В Москве Дорофей был рассылаем пешком с записками к родным и знакомым и для мелких покупок. Теперь непонятно, как много мог он ходить. Получал же он всего жалованья в год 20 руб. асс., и на это он должен был сшить себе сапоги. Когда по просьбе моего старшего брата ему при-

бавили 5 руб. к годовому жалованью, он был вполне доволен. Повторяю, что среда, в которой жила мать моя, не могла не иметь на нее влияния, а теперь страшно вспомнить, как мой дядя, князь Дмитрий, весьма вспыльчивого характера, колотил своих людей, в особенности камердинера своего Спиридона. От золотухи еще в ребяческие его годы у дяди согнулась левая нога, и он всегда ходил на костыле, большей частью из черного дерева. Этим костылем часто бивал он своих людей. Это не мешало ему быть религиозным и набожным. Дядя кончил курс в Харьковском университете, но его образование было весьма незавидное; иностранных языков он не знал.

Другой дядя князь Александр, хотя не кончивший курса в Московском университетском пансионе, был гораздо умнее и образованнее, легко читал французские книги. Он также был вспыльчив до невероятности и больно колотил своих людей. Вообще он был добрее младшего брата. Оба пользовались в отношении крепостных девок тогдашними слишком мало ограниченными правами владельцев людей.

Дядя князь Николай, говорят, был гораздо лучших свойств во всех отношениях, но я его мало знал.

Дядя князь Александр в описываемое мной время жил более в подмосковной деревне; он {в это время} продал наследственное свое подмосковное имение с. Якишино, Подольского уезда, Дмитрию Никитичу Бегичеву^[121], умершему впоследствии сенатором в Москве, и жил в Серпуховском

уезде в с. Ишенки и с. Гришенки. Он редко приезжал в Москву; останавливался у брата своего Дмитрия; они оба были членами Английского клуба^[122], где играли в карты; играли и дома, и у знакомых. В этом проходила наибольшая часть времени; из игравших с ними помню знаменитого тогда доктора профессора Мудрова^[123], который их лечил. Он писал рецепты на полулисте бумаги, которые часто были так сложны, что для написания {предметов, составлявших лекарство}, недостаточно было одной страницы, и рецепт продолжался на ее обороте.

Говорили тогда, сколько могу припомнить, что старший дядя играл довольно счастливо, а младший напротив, так что он вскоре проиграл деньги, вырученные продажей пензенского имения.

В нашей семье уважение к старшим было сильно развито; <так>, младшие братья и сестры обращались с чрезвычайным уважением с дядею Александром и с моей матерью, которая, по смерти своей матери, воспитывала теток Надежду, Прасковью и Настасью. Они говорили старшему брату и сестре «вы»; мать моя, которая была очень дружна с старшим братом, говорила ему также «вы». Уважение к моей матери увеличивалось еще чувством удивления к ее превосходным качествам.

Нас воспитывали в том же духе; от нас требовали полного уважения к родным и вообще к старшим; Царь был для нас вполне священным лицом; малейшего суждения о ре-

лигиозных предметах, о Царской Фамилии, о старших отнюдь не допускалось. Россию представляли нам первой державой; веру нашу религией высшей всех прочих; русский народ наш наилучшим народом; в нашей истории все прошедшее было торжественно; одна наша земля производила святых; у нас героев всякого рода было множество; цари были благодетели; Петр Великий герой преобразователь; Ломоносов герой ученый; Суворов герой полководец. Эти идеи были присущи и при воспитании предшествовавшего нам поколения, но после наших политических и военных подвигов 1812–[18]13–[18]14 годов, конечно, они приняли еще большее развитие, чему много способствовала и издаваемая в то время «История Российского государства» Карамзина^[124], которую мы прилежно читали, зная в то же время наизусть многое из Державина^[125], Петрова^[126], Дмитриева^[127], Капниста^[128] и других и повторяя с первым «Россия, бранная царица^[129], каких в тебе героев нет» и проч. тому подобное.

Когда мы проводили праздники дома, мать наша за нами следила строго и не только не упускала взыскать за каждый проступок, но и за каждое слово, неуместно, по ее мнению, сказанное нами, а неуместным считалось всякое суждение о начальстве, о старших или о факте из русской истории, когда оно было несогласно с мнением, принятым тогда большей частью общества. Несмотря на такую строгость, мы ее очень любили, охотно проводили у нее праздники и с горестью ожидали приближения времени, когда надо бы-

ло возвращаться в заведение, в особенности горевали братья Александр и Николай, поступивший в Московский кадетский корпус в 1824 или 1825 году, так как в корпусе с кадетами обращались тогда очень дурно. Пред уходом братьев они должны были надевать весьма толстые кожаные краги, которые застегивались сбоку ног на медных пуговицах. Это одевание требовало много времени и было очень затруднительно. Вообще солдатская форма, которую носили и кадеты, была очень неудобна и служила только к затруднению при движении.

В случае дурной погоды, а также по безденежью мать иногда просила дядю Дмитрия дать свой экипаж, чтобы нас отвезти. Случалось, что он отказывал, и когда бывали в Москве другие ее братья, то они предлагали свои экипажи. Отказы дяди Дмитрия возбуждали неудовольствие матери и нас смущали, так как мы видели в этом его неуважение и нелюбовь к матери, которая только и проявлялась в этих случаях, так как я уже упоминал об его постоянной почтительности к своей старшей сестре.

В то время братья мои и я осуждали за это дядю Дмитрия и хвалили других дядей, но мы при этом не принимали в соображение, что при большом расстоянии от Остоженки до кадетского корпуса иногда и невозможно было давать лошадей после утренних больших разездов дяди, который мало сидел дома, между тем как другие дяди большей частью имели наемных лошадей и, конечно, не берегли их. У

матери моей в Москве было много родственников и знакомых. Близких не было, но тогда и к дальним родственникам, в особенности в нашем семействе, были ближе, чем теперь к близким.

Из родственников князей Волконских, к которым возили нас по праздникам на поклон, помню только старых князей: Николая Алексеевича^[130], очень доброго, которого дом был в Садовой, и Дмитрия Михайловича^[131], сурового старика, которого дом был на Самотеке. Ближайший наш родной из Волконских заведовал в то время дворцовыми садами^[132], но его мы видали редко.

{ Множества знакомых моей матери я не буду переименовывать, не имея ничего занимательного рассказать о них. Вообще нас возили к родным и знакомым редко, в особенности по причине неимения своего экипажа. В редких случаях мы пользовались экипажем дяди; наем же экипажа был слишком тягостен для бедного кошелька моей матери. Но когда мы имели экипаж, то им пользовались вполне; перебиваем в нескольких домах и для этого столько проедем, что лошади совершенно утомятся. На это мать моя не обращала внимания. }

Из всех наших знакомых наиболее посещали мы Зуевых, дальних наших родственников. Авдотья Осиповна Зуева, вдова бывшего псковского губернатора^[133], очень старая женщина, нанимала на Остоженке в переулке, смежном с Заштатным, { в котором жили мы }. При ней находились старые

две дочери, Катерина, вдова Белухо-Кохановская, и Марья девица и сын старый холостяк [*Павел*], отставной моряк; они жили довольно бедно. Другой сын, также очень старый, отставной полковник Сергей^[134] с женой Варварой Ивановной и двумя малолетними детьми Леонидом и Мариєю жили в одном с нами переулке в собственном доме.

Семейство Зуевых могло бы служить хорошим типом для романиста. {Я, не имея ни искусства, ни терпения его описывать, но для связи скажу о нем несколько слов.}

А. О. Зуева, о молодости которой, как я узнал впоследствии, имелись не очень благоприятные предания, была чрезвычайно строга к обеим своим уже старым дочерям и к сыновьям. Все перед ней ходили по струнке и с чрезвычайным к ней уважением; в старости она пользовалась им и от посторонних, в том числе от моей матери, которая называла ее тетушкой. Пятидесятилетние ее дочери не имели права никуда отлучаться без ее позволения; она неохотно их отпускала из дома и не иначе, как с дамами ей хорошо известными, например, с моей матерью, которую она очень любила и уважала. Во время праздников коронации Императора Николая^[135] мать моя старалась доставить им некоторое развлечение и каждый раз с трудом выпрашивала у А. О. Зуевой отпустить ее дочерей на бывшие народные праздники. Когда мать моя просила отпустить их на какой-то большой парад или ученье, бывшее в Хамовниках, то А. О. Зуева нашла не только то, что они слишком часто пользуются развлечения-

ми по милости моей матери, но что и не совсем прилично ехать смотреть на маршировку множества мужчин, а младшей ее дочери девице было тогда за 50 лет.

Аккуратность и точность во всех действиях, даже самых ничтожных, в семействе Зуевых были необыкновенные. Но более, чем во всех других, они были развиты в С. Х. Зуеве.

В доме его было все чисто и прибрано к месту; ничто не менялось; выходил он из своего кабинета и в него возвращался в определенные часы; одет был постоянно в военном сюртуке с Владимирским крестом и Анненским с алмазами на шее. Платье это, – сюртук и брюки, – он сшил в 1814 г. в Париже и сохранил его до своей смерти без пятен, хотя он прожил после того около четверти века. Для сохранения своего платья он, садясь в кресла, стряхивал с него пыль платком и обдувал его со всех сторон, фалды сюртука подбирал на колена, никогда не прикасался спиной к спинке мебели и рукавами к ручкам мебели или к столу. Все это было в нем так натурально, что не обращало ничьего особенного внимания и поражало только меня, резвого, неаккуратного мальчика, отличавшегося всегда скорым истреблением и пачканием моего платья. С. Х. Зуев не выдержал, однако, своего характера при воспитании детей, которых он и жена его Варвара Ивановна баловали без толку, и из них ничего путного не вышло. Сын Леонид пьянствовал, оставил рано службу и женился на дворовой девушке; он уже умер. Дочь Марья была недурна собою, вышла за своего родственника Веселиц-

кого^[136], бывшего впоследствии начальником военной дивизии, имела сына¹¹ и вскоре разошлась с мужем.

В. И. Зуева имела некоторое состояние, но оно весьма уменьшилось, несмотря на скупость ее мужа. Имение это они расстроили следующим образом: Император Павел пожаловал отцу С. Х. Зуева землю на одном из островов Чудского озера, с населенными на ней крестьянами. Крестьяне платили самый незначительный оброк, которым довольствовались его сыновья и вдова с дочерьми. Между тем на означенной земле поселились вольные люди в виду выгод, которые можно было получить от обильной рыбной ловли. Сыновья Зуева, состоя на службе, были рассеяны по всей России, а вдова и дочери не понимали значения этой ловли и невыгод от новых поселенцев. Последние же подали в 1817 г. просьбу Императору Александру об образовании из их поселения посада, что и было утверждено без справок о том, что они поселились на чужой земле. По утверждении же посада новые поселенцы, считая себя хозяевами, начали стеснять крестьян, принадлежащих Зуевым, так что последние не могли платить незначительного на них наложенного оброка. Тогда только Зуевы начали доказывать свои права и требовать от казны вознаграждения за убытки. С. Х. Зуев, один из всех братьев, имел состояние и потому принял на себя хлопоты, послужившие к его разорению и не приведшие ни к какому результату.

¹¹ 1) Известного в 1876 г. деятеля в Черногории.

В 1830 г., когда я прапорщиком слушал курс в Институте инженеров путей сообщения, он приезжал для упомянутого дела со своей женой в Петербург, где остановился в небольшой комнате и за обед для себя и жены платил в месяц 25 руб. асс.; тем не менее ведение этого дела послужило к разорению С. Х. Зуева. После смерти его ведение дела принял на себя его родной племянник Петр Павлович Зуев^[137], генерал-майор инженеров путей сообщения и бывший долго начальником Николаевской железной дороги, но дело до сего времени не окончено. Оно доходило до Сената и до Государственного Совета; говорят, что будто бы непомерные требования П. П. Зуева, при исчислении вознаграждения за убытки, причиной тому, что дело перешло снова на обсуждение низших инстанций {и до сего времени не кончено}.

В одно из наших посещений А. О. Зуевой, осенью 1825 г., дочери ее писали письма в Петербург к своему родному племяннику Александру Павловичу Зуеву, бывшему тогда капитаном корпуса инженеров путей сообщения. В то время почта ходила из Москвы в Петербург только три раза в неделю, и так как следующий день был не почтовый, то мать моя спросила писавших письма, зачем они торопятся. Они объяснили, что письма посылаются не по почте, а через полковника Варенцова^[138], приехавшего в Москву с главноуправляющим путями сообщения, герцогом Александром Виртембергским^[139], который выезжал в Петербург на другой день. Мать моя упрекала их, что они ей прежде не сказали о при-

езде герцога в Москву, так как она располагала меня отдать в инженеры путей сообщения, но они ей объяснили, что ничего от нее об этом не слыхали. Мать немедля решилась лично подать герцогу прошение об определении меня в Институт корпуса инженеров путей сообщения и, узнав, что он остановился в доме Дмитрия Дмитриевича Шепелева^[140], на Вшивой горке^{12 [141]}, сейчас поехала к своей приятельнице Анне Ивановне Шепелевой^Н, племяннице владельца дома, { в котором стоял герцог }. А. И. Шепелева жила в доме сестры своей Марьи Ивановны Сухово-Кобылиной^[142], в приходе Харитония в Огородниках^[143]; третья их сестра Софья Ивановна была за дальним родственником моей матери, бывшим тогда в отставке генерал-майором Николаем Ивановичем Жуковым^[144]. Мать моя с А. И. Шепелевой условились, что последняя пришлет свою карету за моей матерью, которая, взяв меня из заведения, поедет к ней, а потом с нею вместе к герцогу, где и постараются представиться через Варенцова, к которому было письмо от Зуевых. Крайне дальние расстояния от Харитония в Огородниках до Остоженки, с заездом на обратном пути за мной на Солянку, были причиной тому, что мы опоздали и встретили герцога на Яузском буль-

¹² 1) Огромный дом этот был выстроен тестем Шепелева Иваном Родионовичем Баташевым, весьма богатым заводчиком. В бытность французов в 1812 г. в нем жил Мюрат, но и он пострадал от пожара. Баташев после того отделал его великолепно, употребив на это несколько сот тысяч руб. асс. В 1826 г. во время коронации Императора Николая I в нем стоял герцог Девонширский, посол Великобритании.

варе, скачущего в дорожной коляске, запряженной шестью лошадьми. С ним рядом сидел Варенцов. Мы повернули за ними в погоню, и, когда с ними поравнялись, мать моя хотела остановить нашу карету, но А. И. Шепелева приказала скакать далее, чтобы иметь время для выхода моей матери и моего из кареты. Проскакав еще несколько, мать моя вышла из кареты, и вскоре с нами поравнялась коляска герцога, который, видя выходящую даму, приказал остановиться. Герцог принял бумагу, поданную матерью, и, когда Варенцов передал ему по-французски словесную просьбу матери, он попросил ее сесть обратно в карету, а мне приказал сесть в его коляску, напротив его. Когда я влез и сел, он спросил меня, говорю ли я по-французски и по-немецки, и продолжал меня расспрашивать то на том, то на другом языке о том, чего желает мать моя, сколько мне лет и как далеки мои познания в математике. Моими ответами и произношением на обоих языках он остался доволен; находил, что я по моим летам не могу еще вступить в Институт инженеров путей сообщения, куда, по существовавшему тогда положению, не принимали моложе 16 лет, удивлялся, что я так много уже знаю из математики, и поручил мне сказать моей матери, что он прикажет инженер-полковнику Янишу^[145], бывшему тогда управляющим III (Московским) округом путей сообщения^[146], меня проэкзаменовать. Затем герцог со мной простился; я, видимо, произвел хорошее впечатление.

Следующие причины служили поводом для моей матери

взять меня из заведения Лопухиной и отдать в Институт путей сообщения.

1-я. Говорили вообще, что Д. Н. Лопухина не желает более продолжать жертвовать деньги на содержание мужского заведения, что она вскоре воспитанников или возвратит родным, или поместит для окончания гимназического курса в один из частных пансионатов; действительно, воспитанники ее заведения в 1826 г. были помещены на ее счет в частный пансион [*Иоганна Фридриха*] Вейденгаммера.

2-я. Я был первым воспитанником заведения по учению, за исключением рисования; мои товарищи должны были поступить в 1826 г. в университет, а я по малолетству должен был бы оставаться в заведении повторять зады.

3-я. Мне крепко не нравились кадетские корпуса, но, конечно, на это бы не посмотрели, если бы я не вышел уже из лет для поступления в эти корпуса и если бы, вследствие воспоминания матери о том, что отец несколько времени служил в ведомстве путей сообщения, не явилось у нее желание, чтобы один из ее сыновей служил в том же ведомстве. Это желание было подкреплено еще тем, что инженеры путей сообщения, служившие в то время в Москве, не только играли в обществе самую видную роль, но в молодых годах были штаб-офицерами и кавалерами двух орденов Владимира и Анны, а на чины и ордена тогда обращалось большое внимание. Действительно, в то время, по недостатку высших чинов в корпусе инженеров путей сообщения, младших подвигали

быстро, и воспитанники первого, бывшего в 1811 г., выпуска из института были уже полковниками. Конечно, мать моя не понимала, что когда высшие чины в корпусе пополнятся, то движение по службе должно приостановиться, как действительно и случилось.

Вскоре получено было извещение, что, по распоряжению герцога Виртембергского, я должен явиться в назначенный вечер к управляющему III округом путей сообщения, Николаю Ивановичу Янишу, для экзамена, который будет произведен в его присутствии корпуса инженеров путей сообщения полковником Николаем Богдановичем Гермесом.

По нашем приезде Яниш, добрейший человек, и его жена приняли мать мою и меня чрезвычайно ласково и объявили, что вместо Гермеса меня будет экзаменовывать Строительно-го отряда путей сообщения капитан Павел Васильевич Максимов^[147]. Он, хотя и не был воспитанником Института путей сообщения, но, конечно, знал более Гермеса и был более пригоден для производства экзамена, который я выдержал хорошо.

По донесению Яниша как об этом, так и о том, что мать моя не имеет средств для дальнейшего моего образования, герцог Виртембергский, имея в виду, что я по летам не могу поступить в институт, назначил меня в {число воспитанников, имеющих быть принятыми в} 1827 г. в Строительное училище путей сообщения. {О том, что это было за заведение, я расскажу ниже.}

В титуле указа об определении меня в Строительное училище значилось: «по повелению Его Величества Государя Императора Константина Павловича», и это дает мне повод {хотя в кратких словах} рассказать о впечатлении, произведенном смертью Императора Александра I [1 декабря 1825 г.].

По получении известия о его кончине, совершенно неожиданной, нам в заведении Лопухиной казалось все мрачным и страшным. Не помню, было ли это следствием того, что мы были поражены смертью человека, которого считали всемогущим и благодетелем нашего отечества, или того настроения, которое было общее всему московскому обществу, ожидавшему каких-то невзгод от перемены царствующего лица. Вскоре это тревожное состояние оправдалось полученным известием о 14 декабря, о тайных обществах, о смутах в разных краях России и арестовании нескольких лиц в Москве и во всей России. Я с другими воспитанниками видел, как полиция взяла одного из членов тайного общества из дома Глебова^[148]; двор этого дома находился против окошек того флигеля, который занимало наше заведение.

Об этом времени у меня осталось самое грустное воспоминание; не только никто не старался в своих суждениях оправдать, по возможности, деятелей тайных обществ, но все их осуждали, и кара правительственная, конечно, не превосходила той кары, которая на них налагалась мнением общества, – по крайней мере того общества, которое мне было

тогда доступно, чему явным доказательством может служить то, что известия о наказаниях, к которым были приговорены члены бывших тайных обществ и которые были неоднократно перечитаны, не вызывали сострадания.

Приведение к присяге сначала Константину Павловичу, а через несколько дней Николаю Павловичу было принято всеми, а тем более нами, мальчиками, без всякого удивления. Оставление Империи по {какому-то} секретному завещанию младшему брату помимо старшего всем мне известным лицам казалось делом правильным; {до такой степени понятия общества были мало развиты}.

Перед провозом тела Императора через Москву носились слухи, что будут разные смуты, грабительства и нападения на гроб для доказательства, что Александр умер не своею смертью. Жители Москвы очень опасались этого, и правительство принимало предупредительные меры. Но все обошлось тихо. Я видел церемонию провоза тела и ходил ему поклониться.

В числе лиц, сопровождавших тело Императора, был Елпидифор Антиохович Зуров^[149] (умер в декабре 1871 г.). Он прежде служил в Ельце в Переяславском конноегерском полку вместе с дядей моим А. Г. Замятнин и был знаком с дядей¹³ князем Дмитрием, который через него познакомился с бывшим вагенмейстером при Императоре и также сопровождавшим его тело полковником Афанасием Даниловичем

¹³ А. Г. Замятнин и был знаком с дядей вписано над строкой.

Соломкою^[150] (ныне генерал-лейтенант и генерал-вагенмейстер, давно по болезни не сходящий с постели). Манифест нового Государя о порядке престолонаследия был читан в обществе моих родных со слезами умиления; они говорили, что он написан самим Государем, не считая возможным, чтобы кто-нибудь, кроме его, мог решиться упоминать о предположениях смерти Государя, его сына и брата.

В конце 1825 г. мать моя, узнав о тяжелой болезни своего друга С. П. [*Софьи Петровны*] Боборыкиной, ездила за нею в Нижний Новгород, откуда перевезла ее в топленой карете в Москву. Вместе с ними приехали муж Боборыкиной и их дети, а сестру мою мать взяла к себе. Боборыкина вскоре умерла.

В начале 1826 г. мать моя взяла меня из заведения Д. Н. Лопухиной, и для сестры и для меня пригласили учителей; по ее бедному состоянию плата им за уроки была выше ее средств.

Закону Божию учил нас священник Московского коммерческого училища Соловьев^[151], отец известного профессора и историка; учиться танцевать меня и сестру возили к Гвоздевым^H, у которых было много детей. У них же вместе с нами учились сын и дочь князя А. С. Меншикова^[152], из которых ничего путного не вышло; сын^[153] теперь генерал-адъютантом, а дочь^[154] была за Вадковским [*Иваном Яковлевичем*]; они приезжали с матерью; отец [*светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков*] их был послан тогда в Пер-

сию и привез войну, так же как из посольства в Константинополь в 1853 г.

Из учителей заведения Лопухиной были приглашены для обучения математики адъюнкт-профессор Московского университета Кацауров^[155] и для рисования Сухарев^H. Я уже пять лет учился у последнего, но не оказал почти никаких успехов, и это продолжение учения было для меня бесполезно. Насколько я имел дарования для изучения наук, настолько же или еще более не имел способностей к рисованию, черчению и вообще всему, для чего требовалось участие рук. Мать моя для развития во мне способности к ручной работе купила картону, цветной бумаги, клею, ножей и т. п., но сколько я ни пробовал резать и клеить, все было неудачно.

При выходе из заведения Лопухиной я полагал необходимым подарить что-нибудь своим прежним товарищам; мать моя согласилась дать на это небольшую сумму; я уже покупал разные вещи и между прочим очень хорошенькие тросточки с стальными молоточками на верхнем кончике, как было вся покупка приостановилась. Тетка моя княжна Татьяна за год перед этим была в Москве и сшила мне хороший сюртук для ношения его по праздникам вместо курточки, в которой меня отпускали из заведения. Во время поездки матери в Нижний Новгород я взял сюртук в заведение и там его подарил кому-то из воспитанников на память обо мне, а взамен получил какую-то безделицу. Этот невыгодный обмен, но всего более мое самовольство, очень рассердили мать мою, ко-

торая меня сильно бранила и грозила высечь; не понимаю, каким образом и на этот раз я избегнул сеченья. Вследствие умилительной моей просьбы мать меня простила; все было забыто и пошло по-прежнему.

В это время мать моя, чтобы приучить к хозяйству мою сестру и чтобы иметь свой угол, купила небольшое имение с. Чегодаево в 45 верстах от Москвы, в Подольском уезде. Оставление моей матерью с. Студенец было очень чувствительно не только для крестьян этого села, но и всех окрестных деревень. Она подавала им добрые советы, лечила их домашними средствами, так хорошо действующими на простые их натуры, и сберегала их деньги, которые они ей отдавали на хранение, как в самые верные руки. Скольких она через это оберегла от пьянства, скольким сохранила их состояние, в особенности в 1819 г. при перемене формы государственных ассигнаций^[156]! Известно, что большое число крестьян пропускают сроки для обмена старых ассигнаций на новые и через это теряют весь нажитый тяжкими трудами капитал. Конечно, ассигнации тех крестьян, которые их отдавали на хранение моей матери, были обменены своевременно, а прочим соседним крестьянам было постоянно внушаемо, чтобы они не пропускали срока их обмена.

В начале весны 1826 г. мы переехали в купленное матерью моей с. Чегодаево, где нашли очень ветхий {небольшой} домик с большим запущенным садом, расположенным на высоком берегу р. Мечь, которая делает при усадьбе две изви-

лины почти под прямыми углами, так что реку видно с трех сторон, и вообще вид из дома и сада был очень красивый; видно было несколько сел, а всего ближе через реку виднелось с. Сальково, к которому мы были прихожанами. В части с. Чегодаева^[157], купленной матерью, было 20 душ крестьян и 240 десятин земли в чересполосном владении; пропорция земли весьма значительная для Московской губернии; у двух же помещиков, которым принадлежала остальная часть Чегодаева, было гораздо более крестьян с 5-ю или 6-ю десятиною на душу пропорциею, так что они, благодаря чересполосности, пользовались постоянно нашею землею.

С того времени, как мать взяла сестру от Боборыкиных, она сделалась к ней еще строже прежнего; эта строгость продолжалась и в деревне, тогда как мне была дана некоторая свобода бегать по саду, полям и т. п. Я часто ходил смотреть на полевые работы, видел обсеменение полей овсом на другой день после Николы, косьбу после Петра и Павла, молотьбу после Казанской и т. д.; купался в реке и ловил раков в присутствии и с помощью Дорофея Сергеева, сделавшегося, сверх других должностей, моим дядькою. Мы бывали часто в с. Салькове, в церкви, на базаре и у священника, у которого 1-го августа я ел прекрасные огурцы с медом; мы заезжали иногда и к близким соседям, но я мало помню об этих выездах наших; из дальних же соседей помню семейство Николая Ивановича Васильчикова^[158] в Лопасне и в особенности Александра Васильевича Васильчикова^[159] в с. Васильев-

ском. С последним я еще не раз встречусь в «Моих воспоминаниях».

Перед коронацией Императора Николая I¹⁴ мы поехали к дяде князю Александру в с. Ишенки и с ним в с. Рождественно, принадлежавшее Николаю Ивановичу Жукову. В его прекрасном доме, окруженном садами, мы провели несколько дней. В это время через с. Рождественно проходил в Москву Киевский гренадерский полк, которым перед этим командовал Н. И. Жуков, а настоящим его командиром был полковник Фролов^[160] (впоследствии генерал от инфантерии), замечательный тем, что все были уверены, что он послужил Грибоедову типом Скалозуба в его превосходной комедии «Горе от ума». В каком порядке были погончики, петлички у всех чинов полка и как новый командир хотел выказаться перед прежним, и говорить нечего. Меня мало занимали разговоры моих однолетков; я всегда старался слушать разговоры старших; разговоры Жукова с Фроловым представляли для меня новость, и я всегда был недалеко от них, за что неоднократно бранил меня дядя князь Александр, замечая, что не следует соваться туда, где старшие; он говорил мне: «всяк сверчок знай свой шесток».

Летнее пребывание в 1826 г. в деревне оставило во мне самые приятные воспоминания; особенно любил я гулять в рощах; в 1821 г. я оставил деревню и мало помню мое житье в ней; после 1826 г. постоянно находясь на государствен-

¹⁴ Слова Императора Николая I вписаны над строкой.

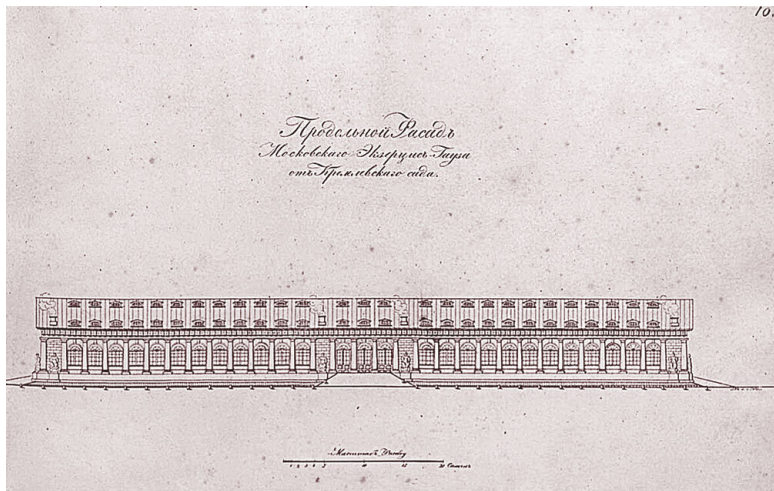
ной службе, я никогда не пользовался целое лето деревенской жизнью.

В начале августа мы приехали в Москву. Мать моя жила в это время в двух комнатах антресолей флигеля дяди моего Дмитрия, {которые много выше подробно описаны}. В других комнатах антресолей жили мои дяди: Николай, бывший тогда в отставке, и Александр. На время коронации нанимали большой дом моего дяди А. Д. Соломки, а флигель близ сада полковник Холанский^H, бывший, кажется, в то время женихом. Его дочь вдова Шалашникова^H теперь живет в Петербурге и знакома с моей женой.

Я видел торжественный въезд перед коронацией Государя в Москву и в день коронации смотрел с мест, устроенных между Ивановскою колокольней и Архангельским собором, на выход Государя с Красного крыльца и на шествие его с Императрицей под балдахином в порфире и короне, в сопровождении Цесаревича {В. К.} Константина Павловича^[161], из Успенского в Архангельский и Благовещенский соборы и обратно на Красное крыльцо, видел народное гулянье на Девичьем поле из ложи одной из галерей, построенных для зрителей, обед, дававшийся военным чинам в огромном Московском экзерциргаузе^[162], и фейерверк перед кадетским корпусом.

{Не буду описывать этих праздников и увеселений, так как они неоднократно подробно описаны; скажу только несколько слов о некоторых из них.}

Мне не с кем было быть в Кремле в день коронации; двое
дядей, бывшие в отставке с мундиром, были назначены в ше-
ствие, третий был хром. Я достал два билета на места, с ко-
торых можно было видеть шествие, и предложил один из них
адъютнт-профессору Кацаурову, у которого и ночевал с 21
на 22-е августа, и в этот день рано утром отправился с ним
в Кремль, но полиция ни в одни из кремлевских ворот нас
не пропускала, несмотря на наши билеты, пока мы не добра-
лись до последних ворот Спасских и потом едва могли прой-
ти от ворот до устроенных мест через площадь, буквально
усеянную народом.

Продольный фасад Московского экзерциргауза от

Кремлевского сада

Гравер Ф. Петерс. Архитектурный альбом, представляющий отличнейшие геометрические фасады соборов, монастырей, церквей, казенных и частных зданий столичного града Москвы. М., 1832. Л. 10

Фейерверк, необыкновенно великолепный, был сожжен перед кадетским корпусом, на балконе которого помещалась Императорская фамилия. Понятно, что выбор этой местности был сделан Государем с тою целью, чтобы и кадеты могли видеть хотя один из праздников коронации. Уходя после фейерверка, Государь заметил, что почти все кадеты стояли в коридорах и комнатах, так что из них видели фейерверк только стоявшие в карауле при балконе, в том числе старший брат мой, а все окна здания, обращенные к фейерверку, были отданы публике. Государь выразил свое неудовольствие директору корпуса Ушакову.

На обеде в экзерциргаузе были только военные лица, а из не принадлежащих к военному званию, вероятно, был один я. Вот как это случилось. На время коронации по домам столицы был учрежден военный постой; в дом моего дяди князя Дмитрия было помещено восемь музыкантов лейб-гвардии Преображенского полка. Они меня очень любили и пригласили с собою на хоры экзерциргауза, на которых они должны были играть во время обеда. При входе в экзерциргауз полиция затруднялась меня впустить, но музыканты уверили, что

я певчий, и меня пропустили, хотя и не полагалось пения во время обеда.

По случаю постоя этих музыкантов в доме дяди Дмитрия произошло очень памятное мне столкновение между командиром 1-го батальона Преображенского полка флигель-адъютантом Микулиным^[163] и моим дядей. Нижние чины были размещены постоем в домах частных владельцев, которые, по собственному желанию, кормили своих постояльцев, о чем однако же не было ни общего предварительного приговора, ни общего согласия. Дядя же мой не намерен был кормить поставленных в его дом музыкантов, так что они ничего не получали на еду ни от начальства, ни от домохозяина. Конечно, это не могло долго продолжаться. Вскоре по приходе в Москву Преображенского батальона полковник Микулин в сопровождении батальонного адъютанта графа Зубова^H, вбежав в комнату дяди, где с ним сидели дядя Николай и я, громко и в резких выражениях требовал, чтобы дядя, подобно всем другим владельцам, кормил своих постояльцев; он говорил, что о поступке дяди, доказывающем будто бы недостаток верноподданнических чувств, будет доведено до сведения Государя и что дядя подвергнется за это и невесть каким бедам. Дядя при входе Микулина и Зубова встал, на крик же Микулина отвечал также криком и резко, что обязанности, возлагаемой на него Микулиным, он не признает и что без особенного законного распоряжения городского управления, а не по одному требованию частного пристава

или квартальных надзирателей, желающих угодить Микулину, дядя кормить нижних чинов не будет. В этом споре, долго продолжавшемся, Микулин часто повторял имя Государя, говоря, что Преображенский полк первый полк Его Величества, что в первом батальоне рота Его Величества, что он сам флигель-адъютант Его Величества, но ничего не помогло; явно было, что его требования были несправедливы; с другой стороны, дядя часто напоминал, что он говорит с князем Волконским. Свидетели этой сцены: дядя Николай, я и граф Зубов все время молчали, но было видно на лице последнего, как ему противно было поведение Микулина.

Дядя Дмитрий был большой чудак, а потому иногда очень скуп, иногда щедр; он постоянно любил сопротивляться даже законным распоряжениям полиции и выставлять свое княжеское достоинство. Конечно, и полиция не помогла Микулину принудить дядю кормить поставленных у него в доме музыкантов, но они были довольны своим житьем, и я полагаю, что дядя другим путем, без ведома Микулина, их вознаградил.

Во время моего детства полиция играла в Москве большую роль; не говоря уже об обер-полицмейстере [*Александр Сергеевич*] Шульгине 1-м, который был всем известен и в 1825 г. заменен Шульгиным 2-м^[164], бывшим впоследствии с. – петербургским военным генерал-губернатором; кто не знал полицмейстеров полковников Ровинского^[165] и Обрезкова^[166]. Про первого ходила бездна анекдотов, расска-

жу некоторые: говорили, что он требовал, чтобы пожарные команды выезжали из дворов, в которых они помещаются, за четверть часа до пожара; что при разъездах из театров он пробирался через публику, толкая всех своими плечами и приговаривая: «по должности»; что на гуляньях полицейскому жандарму, который, не добившись установки чьего-нибудь экипажа в {учрежденный} ряд, предоставлял ему ехать произвольно, говаривал: «жандарм, ты не беспристрастен»; что с воцарением Николая Павловича он, заявляя, что гордился при покойном Императоре Александре именем своим Александра Павловича, просил его переименовать в Николая Павловича; что, так как он при разъездах из театров и собраний беспрестанно кричал кучеру стоявшей у подъезда кареты «пошел», несколько молодых людей, отворив в карете, стоявшей у подъезда, обе двери, садились в нее и, выйдя из другой двери, опять приходили садиться со стороны подъезда; после каждого, вошедшего в карету, Ровинский кричал «пошел», не понимая обмана и говоря, что в карету насело уже слишком много людей, и т. д.

С полициею у моего дяди выходили непрерывные неприятности, о которых дядя любил рассказывать на свой лад и в клубе, и в гостях, и у себя дома. Неприятности выходили от неисполнения в точности разных законных, а подчас и незаконных требований полиции по дому дяди, а более всего от неисполнения законных требований полиции на гуляньях: на Масленице по набережной р. Москвы, до перевода этого

гулянья, кажется, в 1825 г. под Новинское, в Святую неделю под Новинским, 1-го мая в Сокольниках и т. д. Эти гулянья были тогда до того наполнены экипажами, запряженными в четыре лошади, что последние занимали протяжение в несколько десятков верст, и понятно, что нельзя было при этом допустить экипажам объезжать {учрежденные} ряды или въезжать в них на местах, не указанных полицией. Дядя мой на каждом гулянье не соблюдал полицейских порядков; остановленный жандармским солдатом или офицером, он кричал, шумел, говорил о своем княжеском достоинстве, {хотя князей в Москве был целый легион}, и надоедал полиции до того, что она оставляла его делать беспорядки. Но когда на этот шум наезжал Ровинский, то они долго не уступали друг другу и большей частью Ровинский одерживал верх, потому что приказывал бить кучера и форейтора, пока они его не послушаются. Это, конечно, даром Ровинскому не проходило; дядя бранил его во всех обществах. Дядя брал меня часто с собою на гулянья, и я был невольным свидетелем этих перебранок.

На больших балах, которые давались во время коронации, конечно, я не был, но бывал на небольших балах и, между прочим, помню, что был с матерью и сестрой на <довольно> многолюдном вечере у Михаила Федоровича Сухотина^[167], довольно богатого человека, имевшего свой дом на Якиманке, второй этаж которого деревянный и в то время внутри еще не оштукатуренный; танцевали же именно во

втором этаже. Освещение масляными лампами было также небогатое. Вообще 45 лет тому назад довольно богатые дома не пользовались теми удобствами, которые теперь сделались необходимостью для людей ограниченного состояния, не говоря уже о том, что многие предметы тогда были вовсе неизвестны, как-то: стеариновые свечи, керосиновые лампы и т. п. Большая часть общества в то время, несмотря на относительную дешевизну, жила расчетливее; в довольно богатых домах не было изящной мебели, изысканных кушаньев, дорогих вин, гаванских сигар и т. п. Роскошь в семействах ограниченного состояния сильно развилась в царствование Императора Николая, несмотря на то что все предметы первой потребности значительно вздорожали.

В самом начале 1826 г. дядя Дмитрий ездил в Петербург, где провел несколько времени; вернулся он в Москву еще во время моего учения в заведении Лопухиной, куда по возвращении из Петербурга приехал со мной повидаться. Он рассказывал моим гувернерам при мне о своем путешествии, о Петербурге и о том, что меня скоро возьмут из заведения, а осенью пошлют в Петербург не к двоюродному моему брату Антону Антоновичу Дельвигу, а к полковнику Филиппу Алексеевичу Викторову^[168], начальнику придворного экипажного заведения. Он объяснял, что это он устроил в мою пользу по следующему поводу.

По его мнению, все поэты современники должны быть люди безнравственные; он не признавал в них и таланта, так как

они писали не по образцу знаменитых его любимцев Державина, Хераскова^[169], Петрова и др. Безнравственность Анто́на Антоновича Дельвига, в то время только что женившегося, он доказывал тем, что во время его пребывания в Петербурге Дельвиг не навестил его ни разу, что, по его мнению, Дельвиг обязан был сделать по степени родства; он считал Дельвига своим племянником, потому что сестра его, а моя мать была вдовою дяди Дельвига. Тут родства не было; если уже считать родство дяди Дмитрия с А. А. Дельвигом, то было проще вспомнить, что их матери были двоюродные сестры^[170], а следовательно, они внучатные братья^[171], но этого родства дядя Дмитрий не хотел вспоминать, чтобы не потерять прав дяди над Дельвигом. Оказалось впоследствии, что Дельвиг и не знал о приезде дяди в Петербург, а то, конечно, не ожидая его визита, был бы у него. Последний не допускал возможности, чтобы в Петербурге могли не знать об его приезде; <так> он привык к тому, что в провинциальных городах в то время немедля узнавалось о приезде каждого. Дядя Дмитрий очень любил заводить новые знакомства; <так> он отыскал в Петербурге мужа покойной моей тетки [*Ядвиги Шарлотты Антоновны Дельвиг*], Егора Михайловича Гурбандта, о котором я до того времени никогда даже не слышал от матери, столько любившей всех родных ее мужа и своих, но не упоминавшей о Гурбандте, вероятно, по неприятным воспоминаниям, которые он оставил ей после ее посещения Петербурга с покойным моим отцом. Дядя Дмит-

рий был уверен, что Е. М. Гурбант сообщил Дельвигу об его приезде, но они в то время редко виделись и именно не виделись во все время пребывания дяди в Петербурге.

В заключение дядя рассказывал, что Дельвиг не живет дома, уходит в леса, скрывается там в ветвях деревьев, поет разные неприличные вещи и сам еще об этом пишет <рассказывает>. Конечно, все это дяде померещилось и частью выводилось им из следующих стихов Дельвига, впоследствии послуживших эпилогом к первому изданию его сочинений:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Это слова, которые любил говаривать автор книги после чтения стихотворения своего двоюродного брата Антона Дельвига (Блюмин Г. З. Рублевка, скрытая от посторонних глаз: История старинной дороги. М.: Центрполиграф, 2015. С. 21–22):

2.

Дашков Василий Андреевич (1819–1896) – из потомственных дворян Рязанской губ., этнограф, деятель культуры и просвещения, меценат, коллекционер, жертвователь, даритель, сотрудник Румянцевского музея, директор. Окончил юридический ф-т Имп. Моск. ун-та.

3.

Утин Яков Исаакович (1839–1916) – тайный советник (1885), предприниматель, финансист, окончил юридический ф-т Имп. С.-Петербур. ун-та (1860), участвовал в издании рукописного журнала «Студенческий мир», потом служил в Министерстве юстиции, затем член правления Петерб. учетного и ссудного банка (1885–1916), директор правления общ-ва Московско-Виндаво-Рыбинской ж. д. (в каком статусе он, вероятно и познакомился с автором), входил в руководство многих акционерных обществ и фирм. Был близок к правительственным кругам, поддерживал

дружеские и деловые связи с графом В. Н. Коковцовым, участвовал в переговорах с представителями франц. деловых кругов в Париже о предоставлении России займа (1906). См. о нем: Колышко И. И. Великий распад. Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2009. По указателю имен на с. 455.

4.

Голицын Василий Дмитриевич, кн. (1857–1926) – художник, воен., обществ., музейный деятель, директор Румянцевского музея (1910–1921). 10 марта 1921 на основании ордера Моск. ЧК был арестован, вскоре отпущен без предъявления обвинения, после освобождения и до дня смерти был заведующим художественным отделом Гос. Румянцевского музея.

5.

Георгиевский Григорий Петрович (1866–1948) – род. в семье священника, окончил Смоленскую семинарию, Петерб. духовную академию. Историк, археограф, книговед, библиотечный и музейный работник, сотрудник Румянцевского музея (помощник хранителя Отдела рукописей и славянских старопечатных книг с 1892, потом хранитель Отдела рукописей и славянских старопечатных книг с 1903, заведующий Отделом рукописей до 1935), эмиссар Наркомпроса по вывозу рукописных материалов из

национализированных и бесхозных имений (1918–1922). До конца жизни оставался научным консультантом Отдела рукописей.

6.

Ныне на территории Задонского района Липецкой области недалеко от с. Верхний Студенец. Имение принадлежало его деду по матери, надворному советнику князю Андрею Александровичу Волконскому (1753– до 1817).

7.

Hermannus de Dalewick – один из первых упоминаемых в печатных изданиях родоначальников рода Дельвиг. Известно, что в 1238 он был свободным человеком и имел свой собственный укрепленный дом в местечке Мартен, Вестфалия. В Россию Дельвиги попали через прибалтийские страны, и первым, по всей видимости, был Мельхиор I фон Дельвиг, который в составе германского Тевтонского рыцарского ордена крестоносцев принимал участие в Тринадцатилетней войне (1454–1466) за установление германского контроля над Литвой и Эстонией. См.: Steinen J. D. von. Ev. Luth. Pred. zu Frömern ... Westphälische Geschichte mit Kupfern: Historie von der Stadt und Amt Bockum Westphälische Geschichte. Lemgo: Verlag Meyer, 1757. S. 325; Materialien zu einer liefl ändischen Adelsgeschichte, nach der bey der letzten dasigen Matrikul-

Commission angenommenen Ordnung: Nebst andern kürzern Aufsätzen etc. Der nordischen Miscellaneen ... / Hrsg. von A. W. Hupel; von L. A. Mellin, von J. G. Klinger (Ill.). Ryga, 1788. S. 715.

8.

Дельви́г Бернгард Рейнгольд (Delwig Bernhard (Berend) Reinhold Frhr. von; 1679–1746) – в 16 лет доброволец Хельсинкского полка, через год сержант, через 4 – лейтенант. Отличился в битве при Лесной (Liesna) при защите крепости Митау в 1708, отразив с 50 гренадерами атаку наступающих русских частей численностью около 500 чел. В этом бою получил множественные пулевые и штыковые ранения и около полусуток пролежал на поле брани без сознания. Грамотой шведской королевы Ульрики Элеоноры от 17 янв. 1720 полковник Бернгард Рейнгольд фон Дельви́г возведен, с нисходящим его потомством, в баронское достоинство Королевства Шведского. Родители: Berend Reinhold von Dellwig и Sofi a Elisabet von Ramm. Жена: Anna Christina von Wrangell. Дети: Berend Reinhold Frhr. von Delwig; Hedwig Ulrike Freiin von Delwig; Carl Ludvig von Dellwig и Friederike Wilhelmine Freiin von Delwig. См.: Stackelberg M. O. von. Genealogisches Handbuch der estländischen Ritterschaft. Bd. 3. Görlitz: Verl. für Sippenforschung und Wappenkunde C. A. Starke, [1930]. S. 91–96.

9.

Ништадский мирный договор (30 авг. 1721 подписан в шведском городе Nystad) завершил Великую Северную войну 1700–1721 гг., которую вел Петр I за завоевание прибалтийских стран. По этому договору шведский король Фридрих I передал России часть Эстляндии, Лифляндии, Карелии с Выборгом, Ингерманландии и два острова Эзель и Даго. Россия выплачивала Швеции денежную компенсацию и передавала ей Финляндию.

10.

Герб баронов Дельвигов в настоящее время находится в музее истории Риги и мореходства (фондовый номер 53660; размер 47 x 34,2 см). До 1920-х гг. он, вместе с гербами других лифляндских дворян, находился в главном зале Дома дворянства в Риге.

11.

Герб баронов Дельвигов: «Щит разделен на 4 части; в 1-й и 4-й частях, в голубом поле, лев держит в поднятой лапе дворянскую корону; во 2-й части, в серебряном поле, меч, острием к правому верхнему углу, окружен четырьмя красными шарами; в 3-й части, в серебряном поле, черная стена с тремя зубцами. Посреди герба щиток с древним родовым гербом фамилии Дельвигов: в серебряном

поле голубая диагональная полоса, от левого верхнего угла к нижнему правому, на ней, во всю длину ее, красная волнистая линия. На всем гербе баронская корона, на ней два шлема с баронскими же коронами. На правом шлеме два страусовых пера, правое красное, левое белое; на левом шлеме 4 знамени, из коих 1-е знамя белое, 2-е и 4-е голубые, 3-е золотое. Намет справа голубой, в середине красный, слева черный; подложен справа золотом, слева серебром». См.: Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. 3. СПб., 1856. С. 342.

12.

Дельвиг Отто Генрих фон (Delwig Otto Heinrich Viktor von) (ум. 1764) – прадед автора; родители: Wolter von Delwig (1658/60–1742/48) и Katharina von Delwig; жена: (1) Christina Eleonora von Stahlen (1704–1745); (2) Hedwig Elisabeth von Grothuss (1722–1787).

13.

В 1747 лейтенант Отто Генрих фон Дельвиг (Otto Heinrich Viktor von Del-wig) (ум. 1764) заложил имения Permisküll, Kunnigküll, Jöentack, Городинка, Pag gar, и Klein-Pungern предводителю дворянства (Ritterschaftshauptmann) Отто Магнусу фон Штакельбергу (Otto Magnus von Stackelberg) (1704–1765). Уже к 1750 сделка в отношении по крайней мере последних трех имений была переоформлена в купчую.

См.: Archiv der Familie von Stackelberg. Bd. 1. Quellen aus dem Majoratsarchiv zu Isenhof nebst einem Anhangе. St. Petersburg: Buchdruckerei der «St. Petersburger Zeitung» (A. Lashinsky), 1898. S. 12, 52, 53.

14.

Дельвиг Антон Антонович (1798–1831) – надворный советник, чиновник Министерства иностранных дел, поэт, лицейский друг А. С. Пушкина, издатель альманахов «Северные цветы» (1825–1832, вместе с О. М. Сомовым, всего 8 книжек), «Подснежник» (1829–1830, 2 выпуска), а также «Литературной газеты» (1830). Член «Вольного общ-ва любителей российской словесности». Масон, член ложи «Избранного Михаила». Член преддекабристской организации «Священная артель» и литературного общ-ва «Зеленая лампа». По делу о декабристах Антона Антоновича Дельвига «высочайше повелено оставить без внимания». Жена: Софья Михайловна Салтыкова (1806–1888); дочь Елизавета (1830–1913).

15.

Дельвиг Рейнгольд Иоганн фон (Delwig Reinhold Johann von; 1783–1815) – отец автора, брат Антона Антоновича Дельвига, в России известен под именем Иван Антонович. Участвовал во франц. кампании 1807 майором Калужского пехотного полка, был ранен в бок, стал кавалером прусского

ордена «Pour le Mérite» («За заслуги») и был вынужден оставить службу с мундиром и полным пансионом. После войны стал надворным советником и определен герцогом Ольденбургским первоклассным смотрителем по водяной коммуникации в Моршанск Тамбовской губ., а затем в Ярославль по той же должности. Родители: Otto Israel Delwig и Anna Maria Günterhack. Жена: княжна Александра Андреевна Волконская; дети: Александр; Андрей (автор «Воспоминаний»); Александра и Николай.

16.

Дельви́г Отто Якоб Израэль фон (Delwig Otto Jacob Israel von) (1772–1828) (в России известен под именем Антон Антонович) – отец поэта Антона Антоновича Дельвига, родной дядя автора. Родился в своем владении Саллентак Гарриенского (Ревельского) уезда, Эстляндия; похоронен в своем имении Белино под Тулой. Генерал-майор, плацадьютант и помощник коменданта Кремля в Москве, был окружным генералом 1-го и 2-го округов Отдельного корпуса внутренней стражи. Жена Любовь Матвеевна Красильникова (см. примеч. 22 наст. тома).

17.

Дельви́г Кристина Шарлотта Елизавета Антоновна фон (Delwig Christina Charlotte Elisabeth von) (род. 1775); муж Паткуль Карл фон (Patkul Karl von) (майор л. – гв.

Гренадерского полка).

18.

Паткуль Карл Васильевич – из обедневшего лифляндского дворянского рода, служил в Перновском гарнизонном батальоне, затем был произведен в прапорщики с переводом в Великолуцкий мушкетерский полк, участвовал в Русско-шведской войне (1788–1790) и получил чин капитана, а в 1806 подполковника, командир Витебского 21-го резервного Динабургского-Оровайского батальона (полка) (1811–1817). В 1812 – воен. комендант Витебска. Жена: Кристина Шарлотта Елизавета Антоновна Дельвиг, детей не имел. См. о нем: Кручинин А. М. Российский полк с финским именем: Очерки истории Оровайского полка (1811–1920). Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2000 (гл. первая, с. 7–11). В этом и последующих примечаниях не проставлены даты рождения и смерти там, где они неизвестны составителю.

19.

Дельвиг Катарина Елена Антоновна (род. 1779); муж отставной саперный подполковник Куцевич.

20.

Дельвиг Ядвига Шарлотта Антоновна (род. 1782); муж Егор Михайлович Гурбандт.

21.

Гурбандт Егор/Георгий (Георг Вильгельм) Михайлович (1768/69–1832/34), штаб-лекарь (1798), статский советник (1817). В русской службе с 1786. Служил лекарем в Софийском мушкетерском полку, артиллерийском госпитале в Петербурге, а в 1812–1814 – в инспекторском департаменте Воен. министерства. Ординатор Петерб. военно-сухопутного госпиталя (1821–1826), прикомандирован к канцелярии Воен. министерства (1826–1832). Масон. Жена Ядвига Шарлотта Антоновна Дельвиг (род. 1782). Сын Фридрих (1798–1852).

22.

Красильникова (в браке Дельвиг) Любовь Матвеевна (1777–1859) – дочь помещика Тульской губ., директора Моск. ассигнационного банка, статского советника Матвея Андреевича Красильникова (род. 1739), внучка астронома и геодезиста Андрея Дмитриевича Красильникова (1705–1773). Дети: Антон (поэт), Мария, Варвара, Анна, Глафира, Любовь, Дмитрий, Александр, Иван.

23.

Волконская (в браке Дельвиг) Александра Андреевна (ок. 1788–1844) – мать автора. Дочь надворного советника князя Андрея Александровича Волконского (1753– до 1817) и

Александры Филипповны Ярцовой. Муж – Иван Антонович Дельви́г (Reinhold Johann von Delwig); дети: Александр (1810–1831), Александра (в браке Викулина) (1811–1877), Андрей (1813–1887), Николай (1814–1870).

24.

Святой равноапостольный великий князь Владимир (978–1015) – креститель Руси, внук святой равноапостольной Ольги, сын Святослава, князь Новгородский (970–988), князь Киевский (978–1015).

25.

Святой благоверный князь Михаил Черниговский (1179–1246) – участник съезда русских князей в Киеве по вопросу о помощи половцам против надвигавшихся татарских войск, князь Черниговский (1223), Новгородский (1225), Киевский (1235), способствовал укреплению мира между удельными князьями. В 1246 благоверный князь Михаил и боярин Феодор прибыли в Орду для ведения переговоров, однако, после того как он отказался исполнить языческие обряды, он был замучен до смерти. Мощи мученика хранятся в Архангельском соборе Моск. Кремля.

26.

Волконский Андрей Александрович, кн. (1750–1813) – служил в Воронежском наместничестве, а затем в

губерн. правлении, в отставке надворным советником. Жена Александра Филипповна Ярцова (род. 1762); дочь Александра – мать автора. В 1801 г. Андрей Александрович узаконил родовой герб.

27.

Волконский Александр Григорьевич, кн. (ум. 1773) – коллежский ассессор. Жена Прасковья Алексеевна Львова (1718–1783). Дети: Николай (род. ок. 1740), Лев (1744–1817) и Андрей (1750–1813), Пелагея (ум. после 1811) (зам. за кн. Амилахваровым), Мария (1740–1808) и Анастасия (1748–1813), последние две умерли девицами.

28.

Волконский Григорий Иванович (1666–1715/18) (23-е колено от Рюрика) – сподвижник Петра I, ярославский и тверской обер-комендант, воевода в Козлове в чине полковника. В 1709–1711 Петром I ему были дарованы земли в Воронежской губ. (ныне Задонский р-н Липецкой обл.), впоследствии сенатор и начальник оружейного производства Тульского завода, так что в конце жизни «имел в своем ведении все оружейное дело вообще». По обвинению в «причинении тягости народу» и «посрамлении Правительствующего Сената» бит кнутом и подвергнут пыткам. Через несколько лет после смерти восстановлен в правах.

29.

Замятнин Николай Александрович (1824–1868) – тайный советник, российский гос. деятель, губернатор Самарской губ. (1862–1863), управляющий Земским отделом Министерства внутренних дел России и один из главных организаторов земской реформы (1864); окончил С.-Петербур. Имп. училище правоведения (1843), единственное в то время, выпускавшее профессиональных юристов. Родители: Александр Гаври(и)лович Замятнин (1798–1868) и Прасковья Андреевна Волконская, кнж. (сестра матери автора) (ум. 1873). См. о нем: Алексушин Г. В. Самарские губернаторы. Самара: Самарский Дом печати, 1996. С. 81–86.

30.

Меншиков Александр Данилович, светл. кн. с 1707 (1673–1729) – гос. и воен. деятель, ближайший сподвижник и фаворит Петра I, генералиссимус (1727). С Г. И. Волконским его связывала дружба, благодаря которой Волконский был назначен одним из первых девяти сенаторов в Сенат (1711).

31.

Волконский Александр Андреевич, кн. (1774/81–1847) – дядя автора (родной брат матери); майор, учился в Имп. Моск. ун-те. Вписан в родословную книгу Моск. губ.;

в Воронежской губ. владел имением в с. Верхний Студенец совместно с братом Дмитрием. После ранней смерти первой жены Екатерины Григорьевны Ломоносовой (1801–1820) был во втором браке с Софьей Васильевной Урусовой, кнж. (1809–1884).

32.

Волконский Николай Андреевич, кн. (1792–1829) – дядя автора (родной брат матери), капитан 23-й конноартиллерийской роты; умер на позициях от холеры в ходе Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.; холостой.

33.

Волконский Дмитрий Андреевич, кн. (1792/94–1859) – дядя автора (родной брат матери), был в «статской» службе: губерн. секретарь в Воронежском губерн. правлении. Пользовался репутацией помещика самой дурной нравственности. Во время следствия по факту нанесения ему крепостными увечья были доказаны факты привлечения крестьян к сверхурочным работам. В 1846 переехал в Москву, как говорили – чтобы положить конец слухам. Похоронен на кладбище Задонского Богородицкого монастыря.

34.

Волконская Татьяна Андреевна (ок. 1792–1871) – родная

тетка автора, проживала в Задонске в собственном доме и, по воспоминаниям автора, отличалась неуравновешенным нравом; владелица с. Студенец Задонского уезда и имения в Нижнедевицком уезде. Находилась в переписке с затворником Георгием Задонским.

35.

Волконская Надежда Андреевна, кнж. (род. в к. 1790-х гг.) – дочь Андрея Александровича Волконского (1750–1813) и Александры Филипповны Ярцовой; муж – нежинский грек Сосанопулос. Автор пишет во втором томе, что Надежда Андреевна «посвятила всю жизнь свою молитве и улучшению положения своего племянника, моего двоюродного брата Н. А. [Николая Александровича] Замятнина» и вышла замуж в возрасте 50 лет.

36.

Волконская Прасковья Андреевна, кнж. (1800–1873) – дочь Андрея Александровича Волконского и Александры Филипповны Ярцовой. Муж Александр Гаври(и)лович Замятнин. Ее сын Николай Александрович Замятнин являлся двоюродным братом автора.

37.

Волконская Анастасия Андреевна, кнж. (1805–1824) – дочь Андрея Александровича Волконского и Александры

Филипповны Ярцовой. Окончила Моск. Екатерининский институт, похоронена в Задонске в Богородицком монастыре.

38.

Моск. училище ордена св. Екатерины (Моск. Екатерининский институт благородных девиц) – институт для дочерей потомственных дворян, был основан по инициативе императрицы Марии Федоровны (1802) по образцу существовавшего в С.-Петербурге Екатерининского института. Был упразднен в 1917, с 1928 – Центральный дом Красной армии, в наст. время Культурный центр Вооруженных Сил Российской Федерации.

39.

Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) – ближайший сподвижник императоров Павла I и Александра I. Граф (с 1799), генерал от артиллерии (1807), воен. министр (1808–1810), член Гос. Совета (с 1810), с 1815 – фактический руководитель Гос. Совета, Комитета министров и Собственной е. и. в. канцелярии; начальник военных поселений.

40.

Ольденбургский Петр Фридрих Георг, принц (1784–1812), в России известен как принц Георгий Ольденбургский.

Принадлежит к Голштейн-Готторпской линии дома Ольденбургских (потомки Георга Людвиг Голштинского, вызванного на русскую службу императором Петром III, которому он приходился двоюродным дядей). Был женат на великой княжне Екатерине Павловне, являлся тверским, новгородским и ярославским генерал-губернатором и главным директором путей сообщения. Дети: принцы Александр (1810–1829) и Петр (1812–1881) Георгиевичи.

41.

Екатерина Павловна, вел. кнж. (1788–1819) – дочь Павла I и Марии Федоровны; была замужем дважды: за принцем Петром Фридрихом Георгом Ольденбургским (1809–1812) и Вильгельмом I Вюртембергским (также Виртембергским) (1816–1819); дети от второго брака: Мария (1816–1887), замужем за имперским графом Альфредом фон Нейппергом (1807–1865), и София (1818–1877), замужем за королем Нидерландов Виллемом III.

42.

Дельвиг Александр Иванович (1810–1831) – брат автора, поэт, писатель: автор повестей «Маскарад. Истинное происшествие» (СПб., 1829) и «Село Ивановское» (СПб., 1930), переводчик «Ундины» Ф. де ля Мотт-Фуке (СПб., 1831). Печатался в альманахе «Подснежник», который издавался поэтом А. А. Дельвигом, и в альманахе «Царское

Село». С 1828 прапорщик л. – гв. Павловского полка. В августе 1831 был ранен во время штурма укреплений в предместье Варшавы. Умер в госпитале после ампутации ноги.

43.

Дельви́г (Волконская, кнж.; в браке Викулина) Александра Ивановна, баронесса (1811–1877) – дочь Ивана Антоновича Дельвига (Delwig Reinhold Johann von) (1783–1815) и Александры Андреевны Волконской (ок. 1788–1844); муж: Семен Алексеевич Викулин (1775–1841). Дети: Валентина (род. 1837) (в браке Засецкая), Эмилия.

44.

Дельви́г Николай Иванович (1814–1870) – брат автора, русский генерал, участник кавказских походов (1817–1864), Крымской войны (1853–1856), венгерской кампании (1848–1849). В 1863 произведен в генерал-лейтенанты и утвержден в должности с зачислением в Генеральный штаб. Жена: Александра Борисовна Прутченко (1827–1875). Дети: Дмитрий, Сергей, Борис, Ольга, Александра.

45.

Красильникова (в браке Моисеева) Александра Матвеевна (род. 1767) – дочь Матвея Андреевича Красильникова и Татьяны Ивановны Таушевой.

46.

Рахманов Алексей Степанович (1755–1827) – генерал-майор (1801).

47.

Ломоносова (в браке Волконская) Екатерина Григорьевна, кнг. (1801–1820) – родители: Григорий Гаврилович (Андреевич?) Ломоносов и Каролина Семеновна Волчкова. Муж Александр Андреевич Волконский (1781–1847).

48.

Его брат был женат на Красильниковой... Рахманов Федор Степанович (1759–1820) – родители: Степан Миронович Рахманов и Прасковья Васильевна Рахманова; жена Елена Матвеевна Рахманова (Красильникова) (род. 1765).

49.

Дельвиг (в браке де Тейлс) Варвара Антоновна (1809–1828) – дочь генерал-майора Антона Антоновича Дельвига (1773–1828) и Любови Матвеевны Дельвиг (Красильниковой) (1777–1859). Муж: помещик Крапивенского уезда Никита Дмитриевич де Тейлс (de Theyls) (род. 1805). Дети: Николай, Дмитрий.

50.

Рахманов Михаил Федорович (ум. 1871) – родители: Федор Степанович Рахманов (1759–1820) и Елена Матвеевна Рахманова (Красильникова) (род. 1765).

51.

Викулин Алексей Федорович (1752–1823) – известный задонский помещик, основатель Богородице-Тихоновского (Тюнинского) женского монастыря. Построил усадебный ансамбль в селе Хмелинец, владел им и домом Ульриха (ныне Задонский краеведческий музей).

52.

Ярцов Филипп Иванович (ок. 1732– не ранее 1801) – из дворян, генерал-майор (1783), подканцелярист (1752), впоследствии начальник счетного отделения Департамента мануфактур и внутренней торговли, обер-секретарь Воен. коллегии (1773) и с 1779 по 1793 воронежский вице-губернатор. Жена: Наталия Ивановна Таушева; дети: Елизавета, Александра, Мария, Марфа, Анна, Иван, Екатерина, Татьяна, Надежда.

53.

Викулин Семен Алексеевич (1775–1841) – действ. статский советник, обер-провиантмейстер, помещик села Хмелинец и имения в Липовке. Жена: (1) девица Кусовникова, дети: Алексей, Петр, Семен, Настасья (Анастасия) (в браке

Вадковская) (ок. 1805–1887), Татьяна (в браке Норова), Александра (род. 1811); (2) Александра Ивановна Дельвиг (Викулина) (1811–1877); дети: Валентина (род. 1837) (в браке Засецкая), Эмилия (см. Приложения 4, 5 первого тома).

54.

Викулин Андрей Алексеевич (ум. 1780) – из родителей известен отец, Алексей Федорович Викулин, о матери обоих братьев сведений не найдено; жена: Анна Сергеевна Подобедова.

55.

Родная сестра Марии Григорьевны Замятниной (урожд. Кугушевой), матери Александра Гаври(и)ловича Замятнина, чье бракосочетание с родной теткой автора, Прасковьей Андреевной Волконской, – одно из впечатлений «тихой деревенской жизни».

56.

Викулин Владимир Алексеевич (ок. 1790–1867) – задонский помещик, построил церковь в с. Круглом. Присутствовал при вскрытии мощей св. Тихона, и у него хранилось изображение святителя, написанное с мощей. Родители: Алексей Федорович Викулин (1752–1823) и кнж. Кугушева. Жена: Юлия Дмитриевна Волконская (1814–1840) (дочь

Дмитрия Александровича Волконского и Анны Сергеевны Измайловой).

57.

Викулин Сергей Алексеевич (1800–1848) – знакомый В. А. Жуковского. См.: Н. В. Гоголь. Комментарии к письмам. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 338 (к письму В. А. Жуковскому).

58.

Викулин Иван Алексеевич (1804–1880) – знакомый В. А. Жуковского (см. предыдущее примеч.). Похоронен на кладбище Донского монастыря в Москве, участок 1.

59.

Село Хмелинец отстоит от Орла на 230 верст, от Ельца на 30 верст; в полутора верстах от села протекает р. Дон; в 16 верстах проходит жел. дорога. Приход состоит из села Хмелинца и деревень: Нечаевки, Полюбиной, Колосовой, Павленки, Ливенской, Барышовки, Апухтиной, Студеной и сельца Петропавловского-Парусного. Количество прихожан обоих полов 5296 душ. Храм построен помещиком С. С. Викулиным в 1805 в честь Покрова Пресвятой Богородицы: кроме этого престола еще 4: два внизу – в честь Василия Великого и Алексия человека Божия и два на хорах – в честь Казанской Божией Матери и св. мученицы Анастасии. К достопримечательностям храма должно отнести частицы

мощей св. Симона Дивногорского и св. Пантелеймона и две иконы с Св. горы Афонской – копия с чудо творных 1. «Утоли моя печали» и 2. «Достойно есть». Церковные документы имеются с 1780. Причт 2-штатный. Церковной земли 102 1/2 дес. В приходе 2 земских школы и 1 грамоты (См. сайт «История Ельца»: Елецкий уезд: Извальская волость: село Хмелинец).

60.

Викулин Семен Семенович (ум. 1891) – действ. статский советник, владелец свеклосахарного завода в селе Хмелинец Елецкого уезда Извальской вол. Пожертвовал значительные средства на строительство церкви преп. Симеона Дивногорца (Дрезден) и храма Рождества Пресвятой Богородицы (при С.-Петербур. гос. консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова). Основал Фонд Семена Викулина (Semen-von-Wikulin-Stiftung) —1874 (главный распорядитель, ex officio, по должности – настоятель дрезденского прихода).

61.

Замятнин Александр Гаври(и)лович (1798–1868) – дядя автора; рязанский помещик, подполковник, жандармский губерн. штабс-офицер в г. Рязани, штабс-офицер 2-го Моск. округа в Рязанской губ. Жена: Прасковья Андреев на Волконская, кнж. (1800–1873). Оба супруга похоронены на

кладбище Троицкого монастыря, Рязань.

62.

Замят(н)ин Гавриил/Гаврила Александрович (род. 1767) – коломенский помещик, майор, надворный советник, воспитывался в Шляхетном кадетском корпусе 1770–1785, участвовал в походах в 1787 в Польше; в 1788 при осаде и взятии Хотина; в 1789 в Молдавии, Бессарабии и под г. Измаилом; в 1790 в Молдавии и Валахии. Жена: Мария Григорьевна Замятнина (Кугушева), дочь надворного советника кн. Григория Дмитриевича Кугушева. Сын: Александр. Сестра: Пелагея Александровна Левашова (Замят(н)ина) (двоюродная сестра Н. В. Левашова).

63.

Святитель Тихон Задонский (в миру Тимофей Савельевич Соколовский) (1724–1783). Родился в селе Короцко Валдайского уезда Новгородской губ., и в 1758 году он был пострижен в монашество с именем Тихон, а уже через год был назначен архимандритом Тверского Желтикова Успенского монастыря и ректором Тверской духовной семинарии, учителем богословия и присутствующим в духовной консистории. В 1761 году он был хиротонисан в епископа Кексгольмского и Ладожского, викария Новгородской епархии и затем председательствовал в Синодальной конторе в С.-Петербурге; в 1779 переехал в

Задонский монастырь, где писал свои сочинения.

64.

Архимандрит Дмитрий (Самбикин) (1839–1908) – настоятель нового Задонского мужского монастыря (высочайше утвержден Александром II в 1873) и старого Богородицко-Тихоновского монастыря в Задонске, ректор Воронежской семинарии. Родители: протоиерей Иоанн Тимофеевич Самбикин (1814–1901) и Анна Михайловна. Окончил Воронежскую духовную семинарию (1861) и С.-Петербург. духовную академию (1865).

65.

Затворник Задонского монастыря Георгий Алексеевич Машурин (1789–1836) – один из самых значимых русских духовных писателей XIX в. Выходец из дворян, участник Отечественной войны 1812 г. Будучи послушником в Задонском монастыре, 17 лет провел в затворе, после чего был тайно пострижен в монашество под именем Стратоника; известен, в частности, своими письмами.

66.

Архимандрит Самуил II (Самуил Стебловский, в миру Стефан) (1776–1833) – архимандрит (1814), настоятель Задонского Богородицкого третьеклассного мужского монастыря, строитель Коротоякского монастыря,

способствовал открытию в Задонском Богородицком монастыре 4-классного приходского духовного училища (1819). Был известен как строгий настоятель и бережливый хозяин.

67.

«Московские ведомости» («Московскія Вѣдомости») – газета в Российской империи, принадлежавшая Имп. Моск. ун-ту (до 1909 года), издававшаяся в Москве (1756–1917). В 1863–1875 редакторами газеты были М. Н. Катков и П. М. Леонтьев.

68.

Озеров Владислав (Василий) Александрович (1769–1816) – русский драматург и поэт. Самый популярный автор трагедий начала XIX в. Наибольший успех имела трагедия «Дмитрий Донской», поставленная первый раз в 1807.

69.

Сухозанет Николай Онуфриевич (1794–1871) – генерал от артиллерии, генерал-адъютант, командующий Южной армией (1856), воен. министр России с апреля 1856 по нояб. 1861, наместник Царства Польского (1861).

70.

Воен. поселения – форма организации войск

Российской империи в 1810–1857, введенная императором Александром I Павловичем в ряде губ. с целью сокращения воен. расходов, что предусматривало совмещение воен. службы и сельскохозяйственной деятельности.

71.

Солодовников Дмитрий Иванович (1735–1817) – костромской купец первой гильдии, бургомистр (1767–1770, 1779–1784) и городской голова (1785–1787). Во владении имел: солодовенный завод (1775), полотняные мануфактуры (1787), два каменных дома на Пятницкой улице, 6 лавок в хлебных и 2 лавки в овощных рядах.

72.

Ушаков Петр Сергеевич (1782–1832) – генерал-майор (с 1817), участник Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения, командир л. – гв. Волинского полка (1817); с 1823 директор Смоленского кадетского корпуса, который до 1825 стоял в Костроме.

73.

Тарбеева (в браке Ушакова) Мария Антоновна (1802–1870) – жена генерал-майора П. С. Ушакова, после его смерти на содержании камергера и действ. статского советника Константина Павловича Нарышкина (1806–1880).

74.

Урусов Василий Алексеевич, кн. (1751–1832) – генерал-майор; жена: (1) Анна Филипповна Ярцева; дети: Наталья и Анна; (2) Анна Ивановна Урусова (Семичева); дети: Алексей, Александр, Вера (в браке Петрова), Елизавета (в браке Моисеенко-Великая), Николай, Петр, Софья (в браке Волконская).

75.

Ярцева (в браке Урусова) Анна Филипповна, кнг. (1767–1791) – дочь Филиппа Ивановича Ярцова и Натальи Ивановны Ярцовой (урожд. Таушевой). Ее сестра кнг. Александра Филипповна Волконская (урожд. Ярцова) приходилась бабушкой автора по материнской линии. Муж: Василий Алексеевич Урусов. Дети: Наталия (1791–1856) (замужем за Иваном Степановичем Коптевым), Анна (в браке Моисеенко-Великая).

76.

Семичева (в браке Урусова) Анна Ивановна (1777–1862) – дочь бригадира Ивана Семичева. Муж: кн. Василий Алексеевич Урусов (1751–1832); дети: Алексей, Александр, София, Вера, Елизавета, Николай, Петр.

77.

Коптев Иван Степанович (1790–1856) – жена: Наталия Васильевна Урусова (1791–1856); дети: Василий (1819–1888) (действ. статский советник) и Дмитрий.

78.

Моисеенко-Великая (урожд. Урусова) Елизавета Васильевна, кнг. – родители: кн. Василий Алексеевич Урусов и Анна Ивановна Урусова (Семичева); муж: майор Яков Акимович Моисеенко-Великий (1789–1852); сын: Василий (1822–1875).

79.

Урусова Софья Васильевна (в монашестве Сергия), кнг. (1809–1884) – родители: кн. Василий Алексеевич Урусов и Анна Ивановна Урусова (Семичева); муж: кн. Александр Андреевич Волконский; после смерти мужа в 1847 и смерти четырех малолетних детей сначала проживала в Бородинском монастыре, а потом по желанию митрополита Филарета постриглась в монахини; в монашестве Сергия, 2-я игуменья Спасо-Бородинского монастыря, потом игуменья Моск. Кремлевского Вознесенского монастыря.

80.

Урусова Вера Васильевна, кнг. (1810–1835) – родители: кн. Василий Алексеевич Урусов и Анна Ивановна Урусова (Семичева). Муж Петров.

81.

Саблин Алексей Николаевич (1756–1834) – сенатор, действ. тайный советник, выпускник Морского кадетского корпуса, службу начал мичманом, служил в Балтийском море. Принимал участие в Русско-шведской войне 1788–1790. Командир кораблей «Саратов» и «Алексей» (1796–1797), капитан Ревельского порта. Контр-адмирал (1805), вице-адмирал, гл. командир Свеаборгского порта (1809). В 1831 почетный опекун Моск. опекунского совета. См., напр.: Энциклопедия воен. и морских наук. В 8 т. / Сост. под гл. редакцией генерала от инфантерии Леера, засл. проф. Николаевской академии Генерального штаба. Т. 7. С.-Петербург: типогр. В. Безобразова, 1895. С. 71.

82.

Боборыкины Софья Петровна (урожд. Емельянова, ум. до 1834), дочь Петра Федоровича Емельянова, и Василий Дмитриевич (1783–1840), на службе с 1798 (поручик), в отставке с 1825, нижегородский (1825), затем лебедянский (1831–1834) уездный предводитель дворянства. Жена – подруга матери автора.

83.

Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921) – почетный академик Петерб. академии наук, известный беллетрист,

романист-хроникер; печатался в журналах «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Северный вестник». С 1890 жил за границей. Жена: Софья Александровна Зборжевская.

84.

Волконский Лев Александрович, кн. (1746–1817) – помещик, владелец с. Варваро-Борки Задонского уезда (749 крепостных), капитан артиллерии, принимал участие в войне против турок в Крыму, при отставке в 1777 получил чин майора фузилерного полка. Уездный предводитель дворянства Задонского уезда Воронежской губ. (1785–1794).

85.

Волконская (в браке Лопухина) Надежда Федоровна, кнж. – из старинного рода Рюриковичей, внучка кн. Григория Волконского. Замужем за калужским помещиком Ардалионом Гавриловичем Лопухиным (с 1755). Дети: Анна, Федор, Дмитрий, Николай.

86.

Лопухин Федор Ардалионович (ок. 1757–1821) – премьер-майор. Жена: Анна Алексеевна Воронеж (род. 1794) (дочь Алексея Герасимовича Воронца, надворного советника, и его жены Ефросиньи Михайловны Энгельгардт); дети: Екатерина, Елизавета.

87.

Екатерина и Елизавета Федоровны Лопухины.

88.

Лопухина (урожд. Павлова) Дарья Николаевна (1777–1830) – жена бригадира Федора Адриановича Лопухина (1768–1811), будучи племянницей св. кн. Г. А. Потемкина-Таврического, она по его смерти 5 (16) окт. 1791 получила долю Смелянского имения (всего 10 наследников). О ее существовавшем много лет совершенно частном учебном заведении знали многие. На свои средства Дарья Николаевна воспитывала множество необеспеченных молодых людей из дворян. Заведение ее располагалось по современному адресу: Большой Трехсвятительский переулок, д. 1.

89.

Потемкин-Таврический Григорий Александрович (1739–1791) – русский гос. и воен. деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал, фаворит Екатерины II Великой. В течение 17 лет являлся главным советником Екатерины II и активно участвовал в гос. делах.

90.

Лопухин Петр Федорович (1802–1840-е гг.) – родители: Федор Адрианович Лопухин и Дарья Николаевна Лопухина;

жена: Мария Евстафьевна Удом; дети: Анна (в браке Исакова), Николай.

91.

Лопухин Адриан Федорович (1805–1872) – родители: Федор Адрианович Лопухин и Дарья Николаевна Лопухина; жена: Юлия (Илия) Евстафьевна Удом; дети: Федор, Владимир, Николай, Адриан, Юлия.

92.

Удом Евстафий Евстафиевич фон (Udam – im Original: П., Gustav/Astafi j Evstaf.) (1761–1836) – генерал-лейтенант, родился в Лифляндии, участник боевых действий с 1788, неоднократно отличался в сражениях. Участник Русско-турецкой (1787–1791) и Русско-польской (1792) войн. Будучи шефом Галицкого мушкетерского полка, в чине полковника, в 1809 ходил с ним против австрийцев. Отличился, напр., при взятии крепости Ловча (1811), при переправе корпуса Маркова на правый берег Дуная; ранен в деле под Высоко-Литовском. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода 1813–1815 гг., комендант Риги (1827), с 1833 в отставке. См. о нем: Энциклопедия воен. и морских наук. В 8 т. / Сост. под гл. редакцией генерала от инфантерии Леера, засл. проф. Николаевской академии Генерального штаба. Т. 8. С.-Петербург: типогр. В. Безобразова, 1897. С. 29.

93.

Лопухина (в браке Скордули) Екатерина Федоровна (1796–1879) – дочь статского советника Федора Андриановича Лопухина и Дарьи Ивановны Павловой (1777–1830). Е. Ф. Скордули владела сельцом Васильево (недалеко от села Кудиново) с пустошами. Муж: генерал-майор Скордули (ум. 1855). См.: Московский некрополь / [В. И. Сайтов, Б. Л. Модзалевский]; [Авт. предисл. и изд. Вел. кн. Николай Михайлович]: В 3 т. СПб., 1907–1908. Т. 3. С. 111.

94.

Особняк Морозовых (Большой Трехсвятительский пер., д. 1–3, стр. 1) – усадьба принадлежала поручику Нарбекову (середина XVIII в.), потом князю Кантемиру, а позже здесь находилось училище Лопухиной.

95.

Ульрихс (Ulrichs) Юлий Петрович (1773–1836) – лектор, а затем проф. нем. языка (1807–1823), проф. всеобщей истории и статистики (с 1823) Моск. ун-та. В 1832 оставил ун-т, был инспектором в Моск. воспитательном доме и инспектором классов в училищах ордена св. Екатерины и Александровском. Напечатал: «Систематическое собрание прозаических и стихотворных сочинений, изданных в пользу российского юношества» (М., 1817; 4 изд.), «Опыт

энциклопедического обозрения словесных, исторических, естественных, математических и философских наук» (М., 1820) и «Нем. грамматику» (для воспитанников Благород. унив. пансиона, М., 1822).

96.

Богданов Василий Иванович (1777–1849) – протоиерей, духовный писатель, окончил курс Моск. духовной академии, впоследствии преподавал в этой академии, назначен законоучителем и священником Моск. училища ордена Св. Екатерины (1802), затем состоял протоиереем в церкви Св. Никиты на Басманной (Москва). Основные труды: 1) Руководство к щастию и блаженству. СПб., 1798; 2) Речи при выпуске благородных воспитанниц Моск. училища Св. Екатерины. М., 1810.

97.

Церковь Св. равноап. кн. Владимира в Старых Садах. Построена в начале XVI в. Алевизом Фрязиным, который известен строительством Архангельского собора в Москве.

98.

Лютеранская церковь Свв. Петра и Павла в Старосадском переулке. Существует до настоящего времени на одном месте с перерывами с 1819.

99.

Гёринг Фридрих Христофор Юстус (1780–1847) – пастор лютеранского Кафедрального собора святых апостолов Петра и Павла в Москве (1811–1842).

100.

Иогель Петр Андреевич (1768–1855) – знаменитый московский танцмейстер, преподавал искусство танца в Университетском благородном пансионе, проводил многолюдные балы, для чего снимал большие залы в домах вельмож.

101.

Ульрихс Федор Юльевич (1808–1878) – тайный советник, цензор; первый переводчик Департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел (до 1804), старший цензор Петерб. почтамта, руководивший перлюстрацией, президент С.-Петербур. Евангелическо-лютеранской консистории, член от правительства в Управлении училищ Евангелической лютеранской церкви Св. Павла.

102.

Вероятно, речь идет об Алексее Федоровиче Малиновском (1762–1840) – историке, архивисте, писателе, переводчике, академике Петерб. академии наук (1835), тайном советнике.

Происходил из семьи священника, окончил Имп. Моск. ун-т (1778), после чего всю жизнь проработал в Моск. архиве Коллегии иностранных дел. Сенатором он не был.

103.

Митрополит Серафим (в миру Стефан Васильевич Глаголевский) (1757–1843) – учился в Троицкой семинарии с Матвеем Десницким (будущим митрополитом), возведен в сан архимандрита Лужицкого монастыря в Можайске. В 1798 назначен настоятелем Заиконоспасского монастыря. С 1799 по 1804 года викарий Моск. епархии. 1819–1821 митрополит Моск. и Коломенский.

104.

Архиепископ Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов) (1782–1867) – крупнейший богослов России 1-й пол. XIX в., настоятель Троице-Сергиевой лавры (1821–1867), митрополит Московский и Коломенский с 1826. В 1841 избран академиком Академии наук. В 1994 канонизирован. Написал более 200 произведений, как, напр., «Пространный православный катехизис Православной католической Восточной церкви», участвовал в переводе Библии на русский язык, находился в переписке с А. С. Пушкиным.

105.

Норов Авраам Сергеевич (1795–1869) – родился в семье отставного майора, саратовского губерн. предводителя дворянства. Участвовал в Отечественной войне 1812 г., в частности в Бородинском сражении – защищал Семеновские (Багратионовы) флеши. В этом сражении был тяжело ранен (ядром оторвало ступню). В 1850 назначен товарищем министра народного просвещения, и в 1853–1858 был министром народного просвещения. В 1851 выбран действ. членом Имп. Академии наук по отделению русского языка и словесности. Путешественник, ученый, масон. Хорошо известен и в дальнейшем как автор сочинений о своих путешествиях.

106.

Высоцкий Николай Петрович (1751–1827) – брат матери Дарьи Николаевны Лопухиной (Екатерины Петровны Павловой, урожд. Высоцкой). Будучи племянником св. кн. Г. А. Потемкина-Таврического, по его смерти 5 (16) окт. 1791 получил вместе с Д. Н. Лопухиной 2 доли Смелянского имения.

107.

Митрополит Евгений (в миру Евфимий Алексеевич Болховитинов) (1767–1837) – митрополит Киевский и Галицкий, историк, археограф, библиограф.

108.

Сталь Карл Густавович фон (von Staal) (1778–1853) – генерал от кавалерии (1843), сенатор (1838); участвовал в Отечественной войне 1812 года, адъютант цесаревича Константина Павловича (1812), комендант Москвы «с оставлением по кавалерии» (1830), комендант Моск. Кремля. В книге упоминается дочь Шарлотта, в замужестве Цурикова (род. 1816).

109.

Известно, что с 1835 по 1838 П. Ф. Лопухин был уездным предводителем чигиринского дворянства. Он и жена умерли в 1840-е гг.

110.

Исаков Николай Васильевич (1821–1891) – генерал-адъютант, генерал от инфантерии (1878), попечитель Московского учеб. округа (1859–1863), главный начальник военно-учеб. заведений (1863–1881), член Гос. Совета (1881); с 1873 член совета Имп. человеколюбивого общ-ва, почетный член Имп. Академии художеств, Технического, Русского музыкального общ-в, Общ-ва истории и древностей российских и др. Окончил 1-й Моск. кадетский корпус, участвовал в кавказской и венгерской кампаниях, обороне Севастополя.

111.

Следует добавить, что братьев Лопухиных хорошо знали и в Чигиринском и Звенигородском уездах Киевской губ., где они владели 30 тыс. дес. земли и 9 тыс. душ крестьян и были крупнейшими меценатами; напр., свою «резиденцию» в городке Златополь они отдали основанному ими же дворянскому училищу.

112.

Шульгин Александр Сергеевич (1775–1841) – окончил Шляхетский корпус. Службу начал в Сумском легкоконном полку. Принимал участие в швейцарском походе А. В. Суворова. Принимал участие в наполеоновских войнах. С 1808 адъютант вел. кн. Константина Павловича. В ходе Отечественной войны 1812 г. занимался задержанием дезертиров и мародеров, получил первые навыки полицейской работы. В 1814 произведен в генерал-майоры. С 1816 московский обер-полицмейстер. В 1825 переведен на ту же должность в С.-Петербург. Уволен от службы (1833) с мундиром и пенсионом полного жалования, жил в Москве до кончины.

113.

Дом графа Федора Остермана (Хитровский пер., д. 4, стр. 10) – частный дом Мясницкой полицейской части.

114.

Дмитриев-Мамонов Матвей Александрович, граф (1790–1863) – генерал-майор, поэт, публицист, масон, один из богатейших людей своего времени, обер-прокурор 6-го (Моск.) департамента Сената (1810), участник Отечественной войны 1812 г. (Бородино) и Заграничного похода 1813–1815 гг. Вышел в отставку (1816). В 1820-х гг. встречался с членами тайных обществ в Москве. В 1826 отказался присягнуть Николаю I, был объявлен сумасшедшим и над ним установлена опека. Один из основателей преддекабристской тайной организации «Орден русских рыцарей» и автор «Проекта преподаваемого в Ордене учения».

115.

Сантти (урожд. Лачинова) Елизавета Васильевна де (род. 1763) – дочь бригадира Василия Петровича Лачинова и княжны Марии Ивановны Дашковой. В 16 лет вышла замуж за секунд-майора граф Александра Францевича де Сантти (1757–1831). Дом Сантти находился в начале Кривоколенного пер. Ф. С. Рокотов писал ее портрет (1785, находится в Третьяковской галерее), о котором художник и искусствовед Александр Бенуа отозвался так: «Портрет графини Сантти – одно из самых удивительных произведений XVIII века!» (Портрет и этот отзыв см.: Бенуа А. Н. Русская школа живописи: [альбом] / Ред. Н. Н. Дубовицкая. М.: Арт-

116.

Декинлейн (Декиндлейн, Дикенлейн) Михаил (Михайло) Константинович (1793–1867) – дворянин, генерал-майор (1856), участник компаний 1812–1814 и 1854–1856 гг.

117.

Кольцова-Масальская (урожд. Гика) Елена Михайловна, кнг. (1828–1888) – румынская художница, писательница-беллетристка под псевдонимом Дора д'Истрия (Dora d'Istria). Долго жила в России. В 1849 вышла замуж за кн. Александра Кольцова-Масальского (ум. 1875).

118.

Мерлина (урожд. Лачинова) Анастасия Васильевна (ум. 1848) – муж: генерал-майор Яков Данилович Мерлин (1753–1819), дети: Анна, Вера.

119.

Лубяновский Федор Петрович (1777–1869) – дворянин из польских шляхтичей; сенатор, литератор, переводчик, мемуарист, окончил Харьковскую духовную семинарию и затем Имп. Моск. ун-т. Служил в должности секретаря в канцелярии министра внутренних дел под непосредственным начальством М. М. Сперанского, с

которым завязались длительные дружеские связи. Статс-секретарь и управляющий делами принца Георгия Ольденбургского в Твери (1809), губернатор Подольска (1831), сенатор (1833), действ. член Российской академии (1839), действ. тайный советник (1849). Был дружен с Пушкиным в бытность свою сенатором.

120.

Виллем (Вильгельм) II (Виллем Фредерик Георг Лодевейк) (1792–1849) – вел. герцог Люксембургский, герцог Лимбургский и король Нидерландов (династия Оранско-Нассауская), старший сын и впоследствии приемник короля Виллема I. Муж (1816) вел. кнг. Анны Павловны (1795–1865), шестой дочери императора Павла I и императрицы Марии Федоровны.

121.

Бегичев Дмитрий Никитич (1786–1855) – происходил из старинной дворянской фамилии Тульской губ. Получил образование в Московском благородном пансионе и Пажеском корпусе. Поступил на воен. службу в 1804. Принимал участие в Аустерлицком сражении и последующих войнах с Наполеоном. Воен. службу окончил в чине полковника. С 1819 по 1830 был в отставке и начал заниматься литературной деятельностью. В 1830–1836 воронежский губернатор. Во время губернаторства

продолжал заниматься литературной деятельностью. Роман «Семейство Холмских» впервые был опубликован в 1832.

122.

Английский клуб в Москве (1772–1917) – закрытая аристократическая организация, возникшая в Москве в послед. четверти XVIII в. Точная дата основания клуба неизвестна из-за утраты архива клуба в пожаре 1812 г. Один из первых российских центров обществ. жизни. Степан Жихарев, известный в Москве писатель и драматург, отзывался о клубе так: «Он показался мне каким-то особым маленьким миром, в котором можно прожить, обходясь без большого. Об обществе нечего и говорить: вся знать, все лучшие люди в городе являются членами клуба» (см. этот и другие отзывы: Васькин А. А. Москва при Романовых. К 400-летию царской династии Романовых. М.: Спутник плюс, 2013. Гл. «Росток гражданского общества: Английский клуб»). Впоследствии в этом здании (Тверская ул., д. 21) располагался Музей революции и в настоящее время – Гос. центральный музей современной истории России.

123.

Мудров Матвей Яковлевич (1776–1831) – врач; проф. медицины в Моск. ун-те и директор клинического института (с 1809); проф. и директор Моск. отд. Медико-хирургической академии (1813–1817); декан медицинского

ф-та Моск. ун-та (1813–1830).

124.

«История государства Российского» Н. М. Карамзина – 12-томное историческое сочинение, описывающее русскую историю от древнейших времен до правления Ивана Грозного и Смутного времени. Первые тома печатались в 1816–1817 гг. и были хорошо известны русскому образованному обществу.

125.

Державин Гавриил (Гаврила) Романович (1743–1816) – один из самых известных русских поэтов 2-й пол. XVIII – нач. XIX в. В начале творчества следует Тредьяковскому, Сумарокову и особенно Ломоносову. Ближайшее окружение Державина, в котором произошло его становление как самобытного поэта, – Н. А. Львов, В. А. Капнист, И. И. Хемницер, высокообразованные и тонко чувствующие искусство люди.

126.

Петров Василий Петрович (1736–1799) – поэт, библиотекарь, при особо порученных от ее величества делах при дворе Екатерины II («закарманный стихотворец», по определению самого поэта). Писал патетичные метафоричные оды, отличавшиеся витиеватым стилем.

127.

Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) – поэт, сатирик, баснописец, действ. тайный советник (1819), сенатор Петерб., затем Моск. департамента, член Гос. Совета, министр юстиции (1810), член Российской академии (1797).

128.

Капнист Василий Васильевич (1758–1823) – русский поэт, драматург («Ода на рабство», 1783; «Ябеда», 1798), переводчик, деятель культуры и просвещения, статский советник. Служил в гвардии в Преображенском полку (1770–1775), где сблизился с Г. Р. Державиным, Н. А. Львовым, И. И. Хемницером и др.

129.

«Россия, бранная царица» – дословная цитата из стихотв. А. С. Пушкина «Наполеон» (1821). Источник второй фразы «каких в тебе героев нет» не установлен; возм., это вольный пересказ Дельвига остальной части стихотворения.

130.

Волконский Николай Алексеевич, кн. (1757–1834) – генерал-лейтенант. Родители: Алексей Никитич Волконский и Маргарита Родионовна Кошелева. Жена: Феодосия Петровна Нащокина (Волконская), детей не имел.

131.

Волконский Дмитрий Михайлович, кн. (1770–1835) – из тульской ветви рода князей Волконских, генерал-лейтенант (1800), крупный военачальник эпохи наполеоновских войн, сподвижник А. В. Суворова и М. И. Кутузова, участвовал в боях в Балтийском море, был в эскадре Ф. Ф. Ушакова в Средиземном море. Сенатор (1816), похоронен в Новодевичьем монастыре.

132.

Волконский Петр Михайлович, кн. (1776–1852) – первый министр имп. двора (1825–1837), генерал-адъютант, русский воен. деятель, генерал-фельдмаршал (1843). Министерство императорского двора было учреждено высочайшим указом императора Николая I для обслуживания нужд императора и членов его семьи; в его функции входило, в частности, заведование императорскими дворцами, садами и парками. Матери автора П. М. Волконский приходился сыном брата деда (племянником деда).

133.

Зуев Харитон Лукич (1730–1806) – действ. статский советник, правитель Олонецкого и Псковского наместничества. жена: Авдотья Осиповна Тау-шева (ум.

после 1825). Степень родства с автором установить не удалось.

134.

Зуев Сергей Харитонович (1769–1855) – подполковник свиты е. и. в. по квартирмейстерской части, оберквартирмейстер 4-го пехотного корпуса. Участник Отечественной войны 1812 г.; был ранен при Островне и при Бородине.

135.

Коронация Николая I происходила в Москве в авг. 1826. Один из очевидцев писал об этом в своих воспоминаниях: «Коронация назначена была 22 августа. В Кремле были построены места для зрителей, некоторые пускались по билетам, а за местами весь Кремль был полон народом. От собора до собора было разостлано красное сукно для шествия Государя, по сторонам стояла гвардия. Мы собрались с раннего утра в Кремлевский дворец в тронную залу. Долго ждали мы Государя и не знали, в которые двери он войдет. Через несколько времени начало доходить до нас ура, но по разным местам и голосов от десяти не более. Это показалось нам странным, потому что ура могло в то время кричатся только в приветствие Государю и было бы всеобщее. Мы подошли к окну и увидели, что через толпу народа пробираются два белые султана. Это были

Константин Павлович и Николай Павлович; первый вел его под руку и открывал ему дорогу. Так как въехать в Кремль по множеству народа не было возможности, то они вышли из коляски и пробирались во дворец пешком» (Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни / Изд. подгот. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой, Т. Ф. Нешумовой. М.: Новое лит. обозрение, 1998. С. 246).

136.

Во втором томе автор снова упоминает полковника Веселицкого, который во время венгерского похода 1849 г. служил начальником штаба 4-го пехотного корпуса. Жена: Марья Сергеевна Зуева (дальняя родственница автора). Дополнительных сведений установить не удалось.

137.

Зуев Петр Павлович (1816–1895) – дальний родственник автора; племянник Сергея Харитоновича Зуева; генерал-майор (1866), инженер путей сообщения, строитель, один из организаторов строительства, а затем начальник (1864–1868) Николаевской ж. д. (1865).

138.

Варенцов Петр Алексеевич (1793–1848) – адъютант А. А. Бетанкура, сын разбогатевшего фабриканта, выпускник Института корпуса инженеров путей сообщения, участник

Отечественной войны 1812 г.; инженер-генерал-майор (1829), знакомый А. А. Бестужева, первый начальник штаба корпуса инженеров путей сообщения с момента его основания (1829–1833), член Совета Главного управления путей сообщения и публичных зданий (1831–1833).

139.

Александр Фридрих Карл герцог Вюртембергский (также Виртембергский) (Alexander Friedrich Karl von Württemberg) (1771–1833) – родной брат императрицы Марии Федоровны, дядя Александра I и Николая I. В 1800 по рекомендации А. В. Суворова приглашен на службу в Россию в чине ген. – лейтенанта и назначен шефом Кирасирского своего имени полка (с 1801 Рижский драгунский полк). Автор кн. «Независимые замечания на кампанию прус. армии 1806 г.». Белорусский воен. губернатор (с 1811; затем с 1814). Участник Отечественной войны 1812 г. (Бородинское сражение). Возглавлял Главное управление путей сообщения (с 1822), основал Училище гражд. инженеров в С.-Петербурге (1832), руководил строительством Августовского и Кирилловского каналов (создано постоянное сообщение внутр. водами между С.-Петербургом и Архангельском), реконструкцией Вышневолоцкой, Тихвинской, Мариинской, Огинской и Березинской водными системами, а также работами по сооружению новых шоссе и мостов.

140.

Шепелев Дмитрий Дмитриевич (1771–1841) – генерал-лейтенант, участник воен. действий в Польше (1792), на Кавказе (1796) во время швейцарского похода (1800), принимал участие в сражении под Аустерлицем и Бородинском сражении, его имя занесено на мемориальную доску в Галерее воинской славы в Храме Христа Спасителя в Москве (доска № 26). Жена: Дарья Ивановна Баташева (наследница знаменитых купцов и миллионщиков Баташевых). Дети: Иван (отставной гвардии поручик), Елизавета (замужем за гвардии штабс-капитаном графом Иваном Павловичем Кутайсовым, внуком любимца императора Павла I), Анна (1813–1861), замужем за князем Львом Григорьевичем Голицыным (1804–1871).

141.

Дом Ивана Баташева в Москве на Швивой горке (дом Шепелева), ул. Яузская, д. 9–11. «Размах блестяще разработанной композиции, богатство и одновременно уникальная самобытность отделки, тончайшая прорисовка деталей дают все основания причислить дворец к числу лучших в Москве. Необычайно красива ажурная ограда... Венчают пилоны два чугунных льва... Огромные черные звери, с приплюснутыми головами и мирно сложенными передними лапами, в сущности, мало похожи на львов.

Они напоминают скорее тех фантастических животных, которыми украшались резные деревянные наличники и ворота где-нибудь в Поволжье. Все эти знаменитые львы, „китаврасы“ и „фараонки“ – порождение фантазии народных художников, никогда не видевших живого льва и представлявших его по рассказам и лубочным картинкам», читаем в кн.: Милова М., Резвин В. Прогулки по Москве. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 286–292.

142.

Сухово-Кобылина (урожд. Шепелева) Мария Ивановна (1789–1862) – из дворян Калужской губ. Отец Иван Дмитриевич Шепелев, бригадир и предводитель дворянства Перемышельского уезда Калужской губ., был женат на Елизавете Петровне, урожденной Кречетниковой, дочери боевого генерала, губернатора Астрахани времен Екатерины Великой. Мария Ивановна Сухово-Кобылина – мать весьма одаренных детей: драматурга и переводчика Александра Васильевича Сухово-Кобылина, писательницы, хозяйки литературного салона Елизаветы Васильевны Салиас-де-Турнемир (Евгении Тур), художницы Софьи Васильевны. Муж – Василий Александрович Сухово-Кобылин (1782–1873), участник Отечественной войны 1812 г., предводитель дворянства Подольского уезда Моск. губ.

143.

Моск. церковь Харитония в Огородниках – утраченный православный храм, находившийся в Москве в Большом Харитоньевском пер. (оба переулка, Большой и Малый, названы в честь храма). Была известна в Москве с сер. XVII в. Церковь была приходской для семьи Пушкиных: с 1801 по 1807 семья будущего поэта жила на Большой Хомутовке (Большой Харитоньевский пер.), входившей в бывшую Огородную слободу. Упоминается в «Евгении Онегине»: «У Харитонья в переулке...» Известна также тем, что в 1826 в ней венчался Е. А. Баратынский. В 1830-х была реконструирована на средства Василия Сухово-Кобылина. Снесена в 1930-е.

144.

Жуков Николай Иванович (1783–1847) – генерал-майор, тайный советник, генерал-губернатор Костромы (1838–1846). В 1812–1813 штабс-капитан л. – гв. Измайловского полка. За участие в Бородинском сражении удостоен ордена Св. Георгия 4-го кл. (вручал лично М. И. Кутузов).

145.

Яниш Николай Иванович (Jaenisch) (1782–1854) – начал службу в 1801 учеником чертежника Департамента водяных коммуникаций. В 1806 командирован в Англию по гидротехническим работам, за умелое описание англ. доков

Ост-Индской компании и труды, содержащие полезные для России сведения об Англии, пожалован бриллиантовым перстнем и знаком ордена Св. Владимира 4-й ст. За отличие в 1810 переведен в корпус воен. инженеров майором путей сообщения и занял пост управляющего III (Моск.) округом путей сообщения. По воспоминаниям, кроме инженерного дела, хорошо знал математику и гидростатику, владел англ. и франц. языками.

146.

Число и состав округов сообщения неоднократно менялись за период времени, охваченный воспоминаниями А. И. Дельвига. После окончания войны 1812 г. его отец был определен герцогом Ольденбургским, директором учрежденного в 1809 Главного управления Департамента водяных коммуникаций, смотрителем 1-го класса по водяной коммуникации. Об этом автор воспоминаний пишет в самом их начале, а закончил он свой труд в 1878-м описанием событий 1876-го. В год учреждения ведомства пути сообщения были разделены на 10 округов, с 1826 число округов уменьшено до 5, с 1843 их было 12, с 1846 – 13 (обо всем этом Дельвиг пишет в V главе), а начиная с 1862 несколько изменился состав тех же 13 округов. Андрей Иванович вспоминает о разных периодах существования ведомства путей сообщения и, соответственно, указывает действительные для этих периодов номера и названия

округов.

147.

Волею судеб оба экзаменатора, предполагавшийся и действительный, стали первыми руководителями А. И. Дельвига на службе. Максимов Павел Васильевич (ум. 1852) – инженер путей сообщения, впоследствии генерал-майор, директор ремонтных работ на Московском Мытищинском водопроводе в 1832–1834. Ему в то время был подчинен производитель ремонтных работ на старом водопроводе – от с. Большие Мытищи до Алексеевского водоподъемного здания – поручик А. И. Дельвиг. Гермес Николай Богданович (1796–1866) – генерал-майор (1838), генерал-лейтенант (1863), управляющий III (Моск.) округом путей сообщения, затем начальник VI (Казанского) округа. В 1836–1837, в бытность Гермеса управляющим Моск. округом путей сообщения, Дельвиг был производителем гидравлических работ на Тульском оружейном заводе и затем производителем изысканий по устройству судоходства по р. Упе.

148.

Глебов дом (Фонтанка, 90) – принадлежал генерал-прокурору А. И. Глебову; после того как ему было запрещено жить в обеих столицах, продан яросл. купцу, тоже Глебову, который устроил здесь суконную фабрику.

Дом известен тем, что именно в нем началось восстание декабристов (там собирались участники тайного «Северного общ-ва»). 14 дек. 1825 две роты Моск. полка под командованием Александра, Михаила Бестужевых и Д. А. Щепина-Ростовского вырвались на набережную Фонтанки и по Семеновскому мосту устремились на Сенатскую площадь.

149.

Зуров Елпидифор Антиохович (1798–1871) – начал службу в 1815 юнкером в Дерптском конноегерском полку. В 1817 перешел в лейб-кирасирский полк. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и подавлении польского восстания 1831 г. В 1826 был назначен адъютантом к графу В. В. Орлову-Денисову, командиру 5-го резервного кавалерийского корпуса, для сопровождения тела императора Александра I из Таганрога в С.-Петербург. В 1833 назначен тульским гражд. губернатором. В 1839–1846 – новгородский гражд. и воен. губернатор. С 1846 сенатор.

150.

Соломка Афанасий Данилович (1786–1872) – род. в Черниговской губ., образование получил в Новгород-Северском уездном училище. На военную службу поступил в 1807 юнкером л. – гв. артиллерийского батальона. Участвовал в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных

походах 1813–1815 гг. В 1815 штабс-капитан, а в 1818 – полковник Главного штаба, обер-вагенмейстер. С 1827 генерал-вагенмейстер Главного штаба. Сопровождал императора Николая I на дунайский театр военных действий. Член императорской свиты.

151.

Соловьев Михаил Васильевич (1791–1861) – законоучитель (преподаватель Закона Божия) и настоятель Моск. коммерческого училища. Получил образование в Славяно-греко-латинской академии. Его сын, Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879), – видный и авторитетный историк, проф., затем ректор (1871–1877) Имп. Моск. ун-та, действ. член Российской академии наук. Основной труд: «История России с древнейших времен». Михаил Васильевич отличался начитанность, свободно говорил по-франц., хорошо знал др. – греч. яз., всю жизнь пополнял личную библиотеку. В коммерческом училище был преподавателем Закона Божьего у И. А. Гончарова.

152.

Меншиков Александр Сергеевич, кн. (1787–1869) – русский воен. и гос. деятель, генерал-адъютант (1817), начальник Главного морского штаба (с 1827), адмирал (1833), член Гос. Совета (1830), морской министр (1836–1855), генерал-губернатор Финляндии (1831),

главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму (1853–1855), где, по мнению историков, проявил себя крайне неумелым руководителем: «Меншиков ничего не успел или, точнее, не сумел сделать для серьезной защиты русских берегов» – чем, впрочем, отличался и в предыдущей своей деятельности: «На протяжении более двадцати лет Меншиков побывал и начальником морского ведомства, удивляя моряков полным незнанием дела, и одновременно он был финляндским генерал-губернатором, не интересуясь Финляндией даже в качестве туриста... В 1853 г., столь же бестрепетно, без всяких колебаний, согласился ехать чрезвычайным послом в Турцию. От природы он был, бесспорно, умен; был очень образован», но отличался самоуверенностью и тщеславием (Тарле Е. В. Крымская война: В 2 т. Т. 1, гл. 2; Т. 2, гл. 1). В 1855–1856 генерал-губернатор Кронштадта.

153.

Меншиков Владимир Александрович, светл. кн. (1816–1893) – родители: Александр Сергеевич Меншиков (1787–1869) и Анна Александровна Протасова (1790–1849). Генерал от кавалерии, генерал-адъютант, участник Кавказской и Крымской войн. Праправнук Александра Даниловича Меншикова, последний в этом роду по прямой муж. линии.

154.

Меншикова (в браке Вадковская) Александра Александровна, светл. кнж. (1817–1884) – дочь Александра Сергеевича Меншикова и Анны Александровны Протасовой; муж: Иван Яковлевич Вадковский (1814–1865). Внук Александры Александровны (сын дочери Анны) Иван Николаевич Корейша в 1897 принял титул, фамилию и герб светл. кн. Меншиковых.

155.

Коцауров (Кацауров) Николай Васильевич (1798– после 1848) – магистр физико-математических наук, адъюнкт математики в Имп. Моск. ун-те. В 1830 принимал вступительные экзамены в университет у М. Ю. Лермонтова.

156.

Именной Указ императора Александра I, данный Сенату: «О перемене гос. ассигнаций» (№ 27784, от 1 мая 1819). В указе введенные ранее (1786) гос. ассигнации менялись на новые, достоинством 200, 100, 50, 25, 10 и 5 руб. По правилам обмена крупных ассигнаций (100, 50 и 25 руб.) это можно было сделать только с 1 июля 1819 по 1 янв. 1820 (т. е. только полгода), ассигнации же меньшего достоинства оставались в обращении до нового указа (Полн. собр. законов Российской империи: В 45 т. Собрание первое: 1649–1825 гг. Т. 36. Ст. 159–165).

157.

В к. 1850-х гг., согласно данным «Списка населенных мест Московской губернии», в селе Чегодаево насчитывалось 18 дворов и проживало 52 мужчины и 70 женщин. (Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел: [По сведениям 1859]. [Вып.] 24: Московская губерния / Обработано ст. ред. Е. Огородниковым. СПб.: Изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1862. С. 173.)

158.

Васильчиков Николай Иванович (1792–1855) – с 1807 г. юнкер в Кавалергардском полку, участник Отечественной войны 1812 г. (у Семеновских флешей, на батарее Раевского). В 1818 командир эскадрона, в 1819 – полковник. В 1824 уволен от службы генерал-майором. С 1827 владелец родовой усадьбы Лопасня-Зачатьевское (сейчас Моск. обл., Чеховский р-н). С 1832 уездный предводитель дворянства Серпуховского уезда. В Лопасне-Зачатьевском жил старший сын А. С. Пушкина Александр, его 11 детей от двух браков также выросли здесь. Жена Н. И. Васильчикова – Мария Петровна Ланская (ум. 1879).

159.

Васильчиков Александр Васильевич (1777–1842) – сын Василия Семеновича Васильчикова (1743–1808) и Анны Кирилловны Разумовской (ум. в 1826). Жена Глафира Петровна Зубова (1776–1838). Кроме с. Васильевского (Скурыгино) Васильчиковым принадлежали также Лопасня (Зачатьевское), Манушкино, Кулаково, Гришенки, Сенино, Поповка, Коровино, Шарاپово и др. О поездке в Тульскую губ., где находилась бóльшая часть имения А. В. Васильчикова (возм., Поповка и Коровино), автор рассказывает в III гл.

160.

Фролов Петр Николаевич (1790–1863) – из дворян Рязанской губ., генерал от инфантерии, участник Отечественной войны 1812 г., Заграничного похода, войны против турок (1828–1829), Кавказской войны (1830–1833), управляющий всеми Закавказскими провинциями (с 1834), член Воен. совета (1856). С 4 марта 1820 по 1 янв. 1826 командовал Киевским гренадерским полком.

161.

Константин Павлович, вел. кн. (1779–1831) – второй сын Павла I и императрицы Марии Федоровны. Титул цесаревича получил от отца в 1799 за отличие в Итальянском походе А. В. Суворова. После вступления на престол императора Александра вновь был объявлен наследником

престола (1801). Оставался им до 1823.

162.

Экзерциргауз – имеется в виду здание Московского манежа, в котором проводились зимние учения по строевой подготовке войск.

163.

Микулин Василий Яковлевич (1791–1841) – командир л. – гв. Преображенского полка (1833–1839).

164.

Шульгин Дмитрий Иванович (1785–1854) – из дворян Новгородской губ., генерал-майор (1824), генерал от инфантерии (1848), участник Заграничного похода (сражения при Люцене, Дрездене, Кульме, Париже), комендант С.-Петербурга (с 1846), воен. генерал-губернатор С.-Петербурга (1847). Член Гос. Совета (с 1848) с оставлением в должности генерал-губернатора, а также вице-президент комитета попечительного о тюрьмах Общва и член попечительного совета учреждений императрицы Марии Федоровны.

165.

Ровинский Александр Павлович (1778–1838) – из дворян Смоленской губ., начал военную службу в 1791. Принимал

участие в войнах с Наполеоном, состоял адъютантом А. П. Торماسова. Одно время командовал нижегородским ополчением. В 1815–1830 моск. полицмейстер. Жена: Анна Ивановна Ровинская (урожд. Мессинг) (1784–1863), дочь лейб-медика императрицы Екатерины – Ивана Ивановича Мессинга.

166.

Обрезков (Обресков) Василий Александрович (1782–1834) – поручик Кавалергардского полка. В 1812 адъютант Ф. В. Ростопчина. В 1817–1827 моск. полицмейстер. Сенатор (с 1828), камергер (1831), статский советник (1827), полковник (1823). Проживал близ Петровских ворот в казенном доме.

167.

Сухотин Михаил Федорович (1780–1858) – капитан-лейтенант в отставке, участник Отечественной войны 1812 г. (находился в моск. ополчении, участвовал в битве при Бородине). Дом Сухотина находился на Большой Якиманке, 33: двухэтажное здание в стиле неоклассики с ампирическим фасадом и шестиколонным дорическим портиком над первым этажом. У Михаила Федоровича с женой, Варварой Сергеевной Домашневой (1793–1859), дочерью директора Академии художеств, было четверо сыновей.

168.

Викторов Филипп Алексеевич (ум. ок. 1836) – инженер, полковник (1826), директор придворного экипажного заведения (1826), кавалер; участник Отечественной войны 1812 г. (потерял ногу); служил при комиссии путей водных сообщений (1812), член комиссии для рассмотрения отчетов по художественной части при Совете путей сообщения; жена: Констанция (?) (ум. ок. 1836); дети: Надежда (в браке Мельникова) (1812–1901) (см. также примеч. 179 наст. тома), Александр (род. 1813) и др.

169.

Херасков Михаил Матвеевич (1733–1807) – поэт, прозаик, драматург, обществ. деятель; из знатной семьи валашских бояр, сотрудник канцелярии, директор, куратор Имп. Моск. ун-та (1763–1802). Основное произведение – поэма «Россияда», посвященная взятию Иваном Грозным Казани; его творчеству свойственны проповедь умеренности, сетование на испорченность современного общества.

170.

У бабушки автора по материнской линии, Натальи Ивановны Ярцовой (Таушевой) (1742–1776), была сестра Татьяна Ивановна Красильникова (Таушева) (ум. 1787), дочь которой Любовь Матвеевна Красильникова (в браке Дельвиг) (1777–1859) была матерью поэта Антона Дельвига.

171.

У самого Андрея Ивановича родство с Антоном Антоновичем Дельвигом было действительно двойным: их отцы были родными братьями (следовательно, сыновья – двоюродные братья); по материнской линии – прабабушка Андрея Ивановича Наталья Ивановна Таушева была родной сестрой Татьяны Ивановны Таушевой, родной бабушки Антона Антоновича Дельвига; его мать Любовь Матвеевна Красильникова приходилась двоюродной теткой матери Андрея Ивановича Александры Андреевны Волконской, следовательно, мать Андрея Ивановича и Антон Антонович Дельвиг были троюродными, или внучатыми, сестрой и братом. Антон относится к третьему, а Андрей к четвертому поколению Ярцовых – Таушевых – Красильниковых.